

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

ОПЕРАЦИЯ "КРУИЗ"

Михаил Рогожин

Любимый детектив

Михаил Рогожин
Операция «Круиз»

«ВЕЧЕ»

2018

Рогожин М. В.

Операция «Круиз» / М. В. Рогожин — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7555-9

Эта история происходит в начале девяностых годов прошлого века, когда страна впала в тотальную пору незаконного обогащения. Захватывающий круиз по Средиземному морю с участием лучших супермоделей России, организованный российским бизнесменом с криминальным прошлым Ильей Маркеловым и греческим миллионером Апостолосом Ликидисом, внезапно оборачивается крупным скандалом, связанным с рядом загадочных убийств на борту теплохода. Оказалось, что красотки-манекенщицы и конкурс красоты являются ширмой для проведения крупной операции международным преступным синдикатом...

ISBN 978-5-4484-7555-9

© Рогожин М. В., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	31
Глава четвертая	42
Глава пятая	50
Глава шестая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Михаил Рогожин

Операция «Круз»

Пролог

Маркелов возвращался в Москву с противоречивыми мыслями. Он так и не дал окончательного согласия Апостолосу. Слишком велик был риск. Из Греции подобные авантюры, очевидно, кажутся детскими играми. На Западе не понимают, что при всем бардаке, творящемся в России, со стороны ФСК и МВД идет жесткий контроль за каждой более или менее крупной сделкой, за передвижениями известных бизнесменов, за оборотом капитала. Поэтому провал операции равносителен подписанию смертного приговора. Стоит ли влезать в это дело? Маркелов давно перешел на легальный бизнес и любые трения с законом воспринимал болезненно. Хотя, конечно, был вынужден постоянно искать обходные пути.

Но с другой стороны, предложение Апостолоса завораживало своей масштабностью, размахом и огромными прибылями. С такими деньгами даже в Америке можно начать собственный строительный бизнес и навсегда забыть постылую родину с ее лагерной начинкой. Маркелову было над чем ломать голову. Он даже не заметил, как самолет приземлился в аэропорту Шереметьево. Лавр терпеливо ждал его у левого выхода.

– С благополучным возвращением, хозяин, – улыбаясь, приветствовал его верный друг.

– Да, Лавр, та еще поездочка! – проворчал Маркелов и в окружении возникших по бокам охранников поспешил сесть в подъехавший к стеклянным дверям черный «мерседес». Расположился на заднем сиденье в центре. Рядом с водителем устроился Лавр. Машина резко набрала скорость и выскочила на шоссе, ведущее к Москве. Тут же следом за ними последовал тяжелый «джип» «ниссан-потрол». Водитель «мерседеса» по приказанию Лавра попытался оторваться от подозрительного преследователя. Но «джип» тоже прибавил скорость и постепенно начал сокращать расстояние.

– Пропусти его, – приказал Лавр шоферу. Тот послушно освободил левый ряд.

И вдруг из поравнявшегося с их машиной «джипа» раздались короткие автоматные очереди. Охранники накрыли своими телами Маркелова. Шофер, получив ранение в плечо, сбросил газ и резко затормозил. Лавр ударился головой о лобовое стекло. Из капота повалил белый пар. «Джип», проехав метров тридцать, тоже замер у обочины. Лавр повернулся к Маркелову.

– Порядок, хозяин?

– Да, – с трудом прохрипел Маркелов. У него от испуга перехватило судорогой горло.

– Выходим из машины, – приказал Лавр. – Я отведу хозяина в безопасное место, а вы прикроете нас. Стрелять на поражение...

Часть первая

Тайна графа Нессельроде

Глава первая

Москва. 1994 год.

Павел впотьмах пробирался в ложу. Вытянутой рукой нащупал тяжелые складки бархатных занавесей и осторожно раздвинул их. Сцена, освещенная всего несколькими свечами, вставленными в рожки старинного канделябра, казалась бесконечно далекой. В благоговейной тишине громыхнуло кресло, задетое ногой Павла. Он пригнулся, словно извиняясь перед погруженным во мрак залом, и нащупал сиденье. Некоторое время казалось, что в огромном театре он пребывает в полном одиночестве. Но вот на сцене промелькнуло белое платье и раздался низкий женский голос. Смысл сказанного Павел не уловил, потому что сердце учащенно забилося. Это была она! Актриса, львица, пожирательница мужей и предмет его юношеских вожделений... Сколько вечеров провел он у телевизора, с жадностью всматриваясь в ее скуластое лицо с завораживающе искренними глазами? Сколько раз обивал порог кинотеатра, подталкиваемый своей испепеляющей страстью. Он любил ее тайно, молча и безнадежно... Всего пятнадцать лет назад в пьяном шахтерском Прокопьевске. Она была его первой женщиной. Разумеется, в мечтах. А в жизни оставалось искать в соседних дворах хоть чуть-чуть похожую... Но каждая похожая оказывалась просто девкой, и Павел продолжал хранить верность своей телевизионной мечте.

И вот, совсем недавно, они познакомились. Это произошло третьего дня в ресторане «Арбат» на «Рождественских посиделках». Павла пригласили туда в качестве модного гостя. Пожалуй, никто из постоянных завсегдатаев крутых столичных тусовок уже и не помнил, когда появился в Москве этот молодой светский лев, небрежный прожигатель жизни. За последние годы в столице возникло слишком много заметных людей, о которых ранее и не слыхивали. Но даже среди популярных артистов, шоуменов, политиков, бизнесменов, экстрасенсов и телевизионных ведущих тридцатипятилетний граф Павел Нессельроде выделялся статью, манерами, знанием иностранных языков. Он привлекал к себе внимание огромными выигрышами в карты и блестящими победами над прожженными московскими кокетками. Его приняли сразу. Приглашения следовали одно за другим. Граф был снисходителен и никому не отказывал. Утром его можно было видеть на теннисных кортах, после обеда в писательском ресторане за шахматной доской с самим Аркановым, а вечером он играл в карты, по-крупному, в обществе друзей безвременно погибшего уголовного авторитета Амираана Витальевича. Далее – ужин в ресторане «Арлекино» и очередная шикарная интрижка с какой-нибудь стильной владелицей респектабельной картинной галереи. Судя по тому, что Павел Нессельроде ничем не торговал, ни во что деньги не вкладывал, ни с кого долги не взимал, а только проигрывал и выигрывал, всем стало ясно, что он – действительно граф.

Женщины сходили по нему с ума. Наконец-то среди циничных, хватких, грубых дельцов в красных пиджаках появился романтический персонаж из недочитанных ими в детстве книжек. Его не считали иностранцем, хотя приехал он из Баден-Бадена, где имел уютный особняк напротив виллы «Тургенев». Казалось, в его лице вернулась старая русская аристократия, возжелавшая несколько облагородить зверскую совковую действительность.

Павел вел себя как человек без особых претензий. Московскую жизнь принимал с мягкой понимающей улыбкой и медленно, солидно обустраивался в одном из трехэтажных домов

в старой части столицы, не пострадавшей даже от наполеоновского нашествия. Купленная им небольшая трехкомнатная квартира выходила окнами во дворик с круглой клумбой и мраморной вазой в центре, вход в который находился на улице Грибоедова рядом со знаменитым загсом и менее известным штабом Военно-морского флота.

В эти-то, недавно отремонтированные апартаменты, Павел и собирался отвезти после спектакля свою теле- и кинозвезду. Встряхнув головой, он небрежно провел тонкими пальцами по лбу, желая прогнать посторонние мысли и сосредоточиться на спектакле. Она, Татьяна Н, в белом старинного покроя платье, стояла на прославленной сцене и что-то страстно говорила благородному господину в простой поддевке. Павел театр не любил. Его вообще раздражало, когда люди повторяли чужие слова. Но мысль о том, что сегодня он будет сжимать в объятиях ту, с которой сейчас не сводят глаз сотни людей, заставляла его внимательно следить за каждым ее жестом, за каждой улыбкой и вздохом.

Их первая встреча произошла как-то между прочим. Прилюдно и скромно. Граф не сводил глаз с Татьяны, пришедшей на «Рождественские посиделки» в сопровождении одного из своих бывших мужей. Весьма упитанный, розовощекий, маленький человечек с белой, как лунь, шевелюрой и массивными очками, занимавшими большую часть его лица, беспрестанно крутил головой и важно раскланивался, всем своим видом показывая, что он, а не бывшая его жена, блистающая холеной красотой, находится в центре внимания на этой великосветской тусовке.

Когда они величественно прошествовали к центральному столу, Павел, обалдевший от столь близкого присутствия своего кумира, громко спросил приятеля: «Кто этот надутый индюк?»

Стоявшие вокруг с удивлением повернули к нему головы. А маленький человечек, наверняка услышавший бестактный вопрос, столь же громко сказал жене:

– Пора бы прекратить пускать на подобные мероприятия всякий сброд. Демократия хороша на улице, а не в приличном обществе.

После этих слов она впервые взглянула на Павла и одобрила его выпад против бывшего мужа очаровательной улыбкой. Весь вечер граф провел в мучительном ожидании знакомства, но розовощекий муж, как нарочно, не отдалялся от заметно скучавшей Татьяны. Она пила шампанское и рассеянно наблюдала за пошловатыми эстрадными номерами.

На Павла тем временем наседала дикторша с телевидения. Ее пережатая завивкой рыже-черная коса расплелась и при каждом движении оставляла на лацкане его клубного пиджака похожие на медную проволоку волосы.

– Ну признайтесь, граф, вы врете, что никогда не видели меня, – с придыханием настаивала дикторша. – Такое в этой стране невозможно! Давайте сегодня вместе посмотрим, как я выгляжу в ночной программе. Представляете, какой вас ждет восторг! Вы будете ласкать мое тело и при этом наслаждаться моим изображением на экране...

– Действительно, прелестно. К сожалению, я только обустроиваюсь и пока не купил телевизор...

– Но хоть кровать-то у вас имеется? – перебила его обладательница пережатой косы.

– Да. Но она сегодня занята.

– Кем?!

– Мною.

– Ну и шутник вы, граф! – обиженно фыркнула фурия. – Со мной мечтают переспать сто миллионов телезрителей.

– Надеюсь, они выдвинут из своих рядов более достойного, чем я.

– Черт с тобой! Жаль, что у меня нет денег на такси. Я бы ни секунды здесь не задержалась.

Павел незаметно вытащил из кармана пиджака стодолларовую купюру и вложил ее в суетливую ладонь дикторши. Та сделала вид, что не заметила, и лишь жеманно сказала: «Ладно, вернемся к моему предложению, когда купишь телевизор».

Павел встал и направился к столу, за которым сидела Татьяна. Она не глядела на него, но как только он поравнялся с ее спиной, произнесла несколько нараспев:

– Неужели самый изысканный мужчина в этом зале покидает нас?

Застигнутый врасплох, Павел чуть не налетел на седую голову ее мужа, мгновенно вылезшую из-за царственной спины и вперившуюся в него своими огромными очками, в которых с негодованием полыхали отраженные люстры.

– Оказывается, не один я зеваю на этих посиделках, – скромно ответил Павел.

– Давайте развлекаться вместе, – предложила она и легко отстранила голову бывшего мужа. – Котик, отвали-ка отсюда. От тебя веет скукой, как от полного собрания сочинений.

Павлу показалось, что розовощекий человечек провалился под стол. Царица его мечты указала на освободившееся место:

– Садитесь и рассказывайте, кто вы, откуда и почему вас так домогаются женщины?

– Меня? – еле вымолвил Павел.

– Ах, не прикидывайтесь, вы же не артист. Впрочем, из всех мужчин я более или менее сносно отношусь именно к артистам. Они все сволочи. С бабскими характерами, завистливые, продажные, но зато могут сыграть нечто героическое. Остальные и на это не способны. Итак, вы не артист. Тогда кто же?

– Граф Павел Нессельроде, – с достоинством представился он.

Татьяна хихикнула и легким жестом поднесла руку для поцелуя. «Это прямо из восемнадцатого века». Павел встал и припал к ее руке раскрытыми сухими губами.

– Вы всегда так целуете или влюблены в меня? – спросила она просто и без кокетства. И тут же сняла тему. – А, впрочем, это неважно, давайте выпьем. Давно не кутила с графьями, все больше наша рванина попадаетеся.

Но долго посидеть вдвоем им не удалось. Обиженный бывший муж направил к их столу конферансье, ведущего рождественский праздник. С глуповатой улыбкой, явно не соответствующей престарелому возрасту, с сигарой в руке тот обрушился на Татьяну подобно девятому валу.

– Сколько бы талантливой молодежи ни появлялось на подмостках, царицей любого вечера будет несравненная наша Танечка! Помнишь, лет двадцать назад мы с тобой... – заливался конферансье, улыбаясь в сторону телекамер.

– Что?! – с наигранным возмущением пропела Татьяна, мгновенно переключив все внимание на себя. – Котик, и двадцать лет назад у нас с тобой ничего не было... так что вспомнить нечего.

Зал ресторана взорвался дружным хохотом. Татьяна обернулась к Павлу и с некоторым раздражением прошептала: «Они не отвяжутся. Придется назначить вам свидание. Приходите в среду на мой спектакль, а потом я решу, что с вами делать», – и, забыв про влюбленного графа, улыбнулась в камеру звездной улыбкой и направилась к роялю...

Сидя в театре, Павел не сомневался, что сегодняшняя ночь станет триумфом юношеских грез. Спектакль его не интересовал. Как только Татьяна уходила со сцены, он переставал следить за происходящим. В томительном мучении прошло два акта. Во время антракта к нему вихляющей походкой подошел излишне рафинированный молодой человек в лиловом бархатном костюме и, встряхнув кудряшками, звонко заверещал:

– Граф, как приятно видеть вас в нашем театре! Будем знакомы – Стасик, – и протянул тонкую руку с кольцами и перстнями на всех пальцах. – Сбил с ног, разыскивая вас. Обычно наши гости сидят в партере, но вы, понятное дело, предпочли ложу. У меня есть к вам малень-

кое предложение. Наша звезда, царица, обожает после спектакля собирать в своей гримуборной поклонников. Корзины цветов уже заказаны, за вами, граф, шампанское!

Павел достал бумажник из внутреннего кармана своего черного пиджака с бронзовыми пуговицами: «Сколько?»

– О, сущие пустяки, ящика два-три, больше не потребуется, – и заметив удивление на лице Павла, загадочно улыбнулся, опустив накрашенные ресницы. – Ведь настоящий праздник начинается ночью.

Отсчитав нужную сумму, Павел хотел уже вернуться в ложу, но молодой человек мягко удержал его за локоть.

– Граф, а какой у вас рост?

– Сто девяносто два...

– А вес?

– Семьдесят шесть.

– Ой, ой... мои любимые размеры, – воскликнул Стасик и прошептал влажным шепотом: – Я приду к вам в ложу.

Прозвенел третий звонок. Сцена осветилась. У самого ее края стояла восхитительная Татьяна. Она казалась почти юной. Русая коса, уложенная короной на голове, придавала строгость лицу. Линия шеи, резко переходящая в сильный узкий подбородок, подчеркивала мраморную отточенность черт. Римский нос возвышался над верхней, несколько вздернутой губой. От ее раздвоения в центре к основанию носа пролегла нежнейшая ложбинка. Когда Татьяна произносила очередную страстную речь, мельчайшие капельки испарины скапливались в этой ложбинке и сверкали раздражающими манящими искрами. Ни одна морщинка не обозначилась на ее скуластом лице с большими, глубоко посаженными синими глазами, над которыми царственно парили тонкие дуги подвижных бровей.

Казалось, Татьяна была способна одним неуловимым движением брови передать любое внутреннее состояние. И это было видно даже из ложи! У Павла захватывало дух, когда она смотрела в его сторону. Ее высокая ладная фигура с широкими бедрами, тонкой талией и обворожительно покатыми беззащитными плечами таила в себе бурю глубоких эмоций и будила желание. Жесты, походка были крупными, но какими-то незаконченными, обрывающимися. Так и хотелось поддержать ее, подать руку, обхватить за талию, чтобы она почувствовала себя увереннее.

Увлеченный созерцанием будущей любовницы, Павел не заметил, как в ложу проник благоухающий французским одеколоном Стасик.

– Не желаете фужер холодного шампанского, граф? – прошептал он. И, не дожидаясь согласия, протянул запотевший бокал.

Павел с удовольствием выпил. Стасик придвинулся к нему почти вплотную и даже оперся рукой о его колено.

– У вас намечается роман с Татьяной? – продолжил он. – Поверьте мне, в жизни она совсем не то, что на сцене. Как и все женщины, не умеет любить. Сплошное притворство. Ах, граф, если бы вы только захотели настоящей любви... Я готов был бы заменить вам целый гарем наложниц. От Татьяны вы уйдете разочарованный. Вам ли не знать, какая пакость эти дамы! Ведь вы человек светский, возвышенный, европейский. Я с первого взгляда определил это. Вам должна быть близка любовь элитарная, эстетская, основанная на взаимном наслаждении.

Павел спокойно снял его руку со своего колена и, отдавая пустой бокал, прошептал: «Когда я захочу полюбоваться твоей попкой, тебя приведут ко мне. А сейчас отведи меня в гримуборную Татьяны. И сбегай, купи большой букет алых роз».

Окрыленный Стасик поцеловал ему руку и жестом пригласил следовать за ним. Они спустились вниз и через служебный вход попали прямо на сцену. За кулисами стояла Татьяна и обмахивалась веером. Она заметила Павла.

– Вы, граф, куда?

– К вам в гримборную.

– Давно пора. Тем более что играю сегодня хреново. Сейчас последний выход, и я с наслаждением стащу с себя это пыльное тряпье, – она схватила подол юбки и встряхнула его. Клубы пыли волнами полетели на сцену, играя разноцветными искрами в лучах софитов.

– Прошу посторонних уйти со сцены! – зашипел помощник режиссера.

Стасик увлек Павла за собой.

Они довольно долго поднимались и опускались по каким-то узким, слабо освещенным лестницам. На любом более или менее просторном пятачке стояли актеры, курили и спорили, размахивая руками. На графа никто не обратил внимания. Только один полупьяный мрачный мужик, судя по всему, рабочий сцены, потребовал дать ему закурить. Ответ Павла, что он не курит, не убедил мужика, и он выматерился вслед. Наконец, пройдя по длинному коридору, Стасик распахнул одну из дверей.

– Располагайтесь, граф, а я помчался за цветами, – при этом он не двинулся с места, вопросительно глядя на Павла. Тот поначалу не сообразил, но потом достал десять долларов, и Стасик не заставил себя долго ждать. Оставшись один, Павел прошелся по довольно большой комнате с низким арочным окном, занавешенным плотными коричневыми шторами. У одной стены стояло два столика с зеркалами, над которыми горели лампочки. На том, который, по всей видимости, принадлежал Татьяне, было огромное количество всевозможных пузырьков, баночек с кремами, флакончиков, несколько детских фотографий в рамках, бутылка пива и пепельница, полная недокуренных сигарет. Рядом на полу валялись чулки, колготки и театральные туфли. На спинке стула висел бюстгальтер. У стены напротив стоял старый кожаный диван с высокой спинкой, заканчивающейся помутневшим от времени узким зеркалом и полочками по бокам с деревянными резными виньетками. На нем в беспорядке валялись платья. Сбоку находилась небольшая ниша, в которую был вмонтирован душ. Закрывалась она полупрозрачной занавеской. Павел осторожно отодвинул платья и сел на диван. Он с не свойственным ему трепетом вдыхал тяжелый воздух, замешенный на запахах духов, кремов, пудры, обуви, пыльных тканей и цветов. Из радиоточки доносилась трансляция спектакля. Голос Татьяны звучал торжественно, почти возвышенно. Павел улыбнулся, вспомнив, что играет она сегодня «хреново». В дверь постучали. Он оглянулся и поначалу растерялся, увидев свое отражение. Оказалось, что на двери укреплено большое зеркало. Он не знал, как реагировать на стук, но дверь открылась и в гримборную вошла костюмерша. Она строго посмотрела на Павла и отчеканила:

– Я уже предупреждала Татьяну Георгиевну, что все костюмы залиты шампанским и прожжены сигаретами. Сегодня опять устраиваете попойку?

– Меня пригласили... я не знаю... – замялся Павел.

– А кто должен знать? – напустилась на него костюмерша. – Опять спохватитесь, когда все закроем! Откуда нам знать, понадобятся фужеры или нет.

– Понадобятся, – заверил ее Павел.

– Ну вот, а говоришь, не в курсе. Вноси по десять тысяч за фужер. Они у нас из реквизита.

Граф безропотно полез в карман. Из динамика на стене послышались аплодисменты и крики «браво». В гримборную с большим букетом высоченных алых роз ввалился Стасик. Увидев деньги в руках графа, напустился на костюмершу:

– Баба Клава, ты чего это? За фужеры я в реквизиторском с Нинкой расплатился.

– Ты с Нинкой, а товарищ вот со мной, – резонно ответила костюмерша и, спрятав деньги, с достоинством удалилась.

Вместо нее с шумом и матом ввалился все тот же рабочий сцены, притащивший две коробки с шампанским. Поставил их на пол, не глядя на Павла, подошел к пепельнице, вытащил из нее самые крупные бычки и со словами: «А говорит, не курит», – ушел. Стасик убрал коробки на широкий подоконник, за штору. И снова обратил маслянисто-призывный взор на Павла.

В коридоре возник какой-то скандал. Ногой толкнув дверь, в гримуборную влетела Татьяна. Остановилась, развернулась и рванула обратно в коридор. Павел услышал ее крик: «Если эта падла еще раз пойдет кланяться впереди меня, я скину ее в оркестровку!» Удовлетворившись угрозой, она вернулась, захлопнула дверь так, что зеркало, прикрепленное к ее внутренней стороне, чуть не вылетело, уселась на стул и приказала Стасику: «Раздевай!» Тот, пристроившись сзади, проворно взялся расстегивать многочисленные крючки на ее платье. Татьяна намочила тампоны пивом и принялась снимать грим с лица. Закончив с крючками, Стасик опустился на колени, чтобы расшнуровать ее белые ботинки. Павел обратил внимание на очень высокие каблуки, расширяющиеся книзу. Как только Стасик снял с нее обувь, она встала и позволила его ловким рукам стащить с нее тяжелое белое платье. От волнения Павел старался не дышать, чтобы ненароком не выдать своего присутствия. Стараниями Стасика Татьяна осталась в корсете и короткой нижней юбке. Она подняла руки вверх и закинула назад голову. Стасик занялся корсетом. Павел понял, что дальнейшее его присутствие при раздевании не совсем прилично, поэтому вежливо кашлянул.

– Граф, вы проснулись? Большой ошибкой было приглашать вас на спектакль, по-моему, в моей гримуборной вам намного интереснее, – при этом Татьяна даже не сделала попытки поглядеть в его сторону. – Вы когда в последний раз были в театре?

– В прошлом году в «Мулен Руж», – признался он.

– А, это где делают так, – она задрала и без того короткую юбку, чтобы покрутить пышным задом перед его глазами. Потом вылезла из корсета и, забыв о графе, прошла мимо него с обнаженной полной грудью в нишу – принимать душ. Из-за полупрозрачной занавески полетели на пол нижняя юбка, белые чулки и шелковые кремовые трусы. Стасик аккуратно подобрал эти предметы и, услышав стук в дверь, поспешил ее открыть. На пороге толпилось несколько мужчин с букетами цветов. За ними виднелись женские головки. Но кто-то сзади прогремел: «Посторонись», – и тот же рабочий внес две корзины цветов. После этого ввалились гости. Из пяти мужчин и трех женщин Павел знал в лицо только одного. Однажды довелось играть в карты за соседними столами. Остальные ему были не знакомы. Но почему-то именно они с приветливыми улыбками обратились к Павлу, как к старому приятелю.

– Граф, как приятно видеть вас среди поклонников таланта нашей несравненной Танечки!

– Как вам спектакль? Такого в Европе не увидишь!

Павел улыбался и кивал головой. Он понимал, что никакого ответа от него и не ждут. Эти восторженные друзья знаменитой актрисы довольны, что их компания несколько разнообразилась с приходом нового человека. Его больше интересовал среднего роста широкоплечий мужчина с волнистой черной шевелюрой, подернутой легкой проседью. Он был в двубортном темно-синем костюме в серую тонкую полоску. Вместо галстука вокруг его шеи был повязан шелковый платок цвета маренго. Он сразу отделился от остальных гостей, подошел к окну, приоткрыл форточку и закурил «Ротманс». Его волевое, с тяжелым подбородком лицо несколько портили маленькие глаза, взгляд которых казался тяжелым из-за густых совершенно седых бровей.

– Стасик, подай халат! – крикнула Татьяна и через минуту появилась перед гостями в длинном черном балахоне из тонкой переливающейся махры с широченными рукавами и высоко поднятым воротником. Волосы ее были небрежно перехвачены золотистым обручем,

на ногах тоже черные кожаные плетеные тапочки. Она небрежно кивнула всем и села к своему туалетному столику. Закурила и, не оборачиваясь, спросила:

– А почему никто не пьет шампанское? Говорят, сегодня угощает мой новый поклонник – граф Нессельроде.

Все, кроме мужчины, курящего у окна, восприняли ее слова как приглашение к празднику. Стасик оказался в центре внимания. Он лихо открывал бутылки. Самая молодая из пришедших женщин подошла к курящему у окна с двумя фужерами. Он молча взял один. Девушка была явно балетная. Ее хрупкая фигурка в белом облегающем платье казалась невесомой. Голова с русыми волосами, затянутыми на затылке в пучок, была чуть задрана вверх. Крупные мочки ушей украшали бриллианты.

– Граф, вы уже устали смотреть на меня? – пропела Татьяна, перехватив его заинтересованный взгляд.

Павел, ничего не говоря, подошел к ней и легко прикоснулся своим фужером к ее.

– Я благодарен вам за приглашение. На сцене вы совсем иная, нежели в кино.

– А в жизни?

– Еще прекрасней!

– Наконец-то хоть один человек увидел во мне женщину, а не деятеля российской культуры, – после этих слов она вдруг легко взобралась на стул и, возвышаясь над всеми, высоко подняла свой бокал. – Предлагаю выпить за меня – молодую, прекрасную и неповторимую!

Все закричали: «Ура!» Кроме Павла и парочки у окна. Потом начались восторженные тосты. Шампанское в фужерах не заканчивалось. Павел наблюдал за своей «телевизионной мечтой» и не мог решить, когда она ему нравилась больше. Тогда, пятнадцать лет назад – юная и трепетная на экране обшарпанного кинотеатра в Прокопьевске, или сейчас, уверенная, властная, с роскошным телом и все еще молодым лицом? В любом случае его мужское самолюбие довольно колыхалось на волнах шампанского. Единственное, что не давало ему окончательно расслабиться, так это присутствие курящего у окна мужчины. Павел не выдержал и попросил Стасика показать, где находится туалет. Тот чуть не подпрыгнул от восторга и устремился в коридор. Павел плотно прикрыл за собой дверь и как бы невзначай спросил:

– Кто этот мрачный человек у окна?

– А, не обращайтесь внимания. Это Илья Маркелов. Он раньше был у Татьяны чем-то вроде мужа. Потом она его прогнала и везде говорила, что он импошка и ничего не может. Хотя, я думаю, что врала. Он быстро разбогател и даже дал ей деньги на спектакль. Теперь вот специально приходит с молодыми любовницами. Вроде как дразнит.

– И она не изменила своего мнения?

– Ой, граф, не смешите меня. Какое у актрисы может быть мнение? Она бы сегодня и рада ему на шею броситься, да он не такой дурак, чтобы подставлять. Видели бриллианты в ушах этой девицы? А танцует всего-навсего в кордебалете. Одним словом – копытный цех. Маркелов очень круто стоит. Весь наш театр со всеми актрисами купить может.

Дальнейшая информация о незнакомце Павла не интересовала, и он поспешил вернуться в гримуборную. Там гуляли вовсю. На свободном гримерном столике появились бутылки «Смирновской», бутерброды с черной икрой и дольками лимона. Татьяна сидела на стуле, закинув на колено обнаженную почти до бедра ногу. Пожилой мужчина, которую звали Даня, с восточным акцентом рассказывал очередной солдатский анекдот, густо приправленный матом. Увидев Павла, Татьяна задиристо спросила:

– Господин Нессельроде, а как вы насчет водки? Стасик, налей-ка ему в фужер, поглядим, что получится.

Стасик услужливо выполнил ее приказание и поднес выпивку Павлу. Тот спокойно отвел его руку и с достоинством ответил:

– Простите, Таня, шампанское с водкой не мешаю.

– Ну и черт с тобой, а я пью... – обиделась она. Одним глотком осушила свой бокал и зажмурилась. Потом причмокнула, нетрезвым взглядом пристально оглядела присутствующих и агрессивно заявила:

– Все! Закончили! Буду одеваться! Нас, кажется, Маркелов приглашал ужинать в «Санта-Фе»? Как насчет бутылочки «Текилы»?

Маркелов подошел к ней и впервые за весь вечер заговорил:

– На меня не рассчитывайте. Рано утром улетаю в Афины.

Татьяна бросила на него презрительный взгляд и, не сдержавшись, грязно выругалась, после чего с насмешкой добавила:

– Решил девушку на берегу Средиземного моря трахнуть? Здесь не дает, что ли?

Маркелов никак не отреагировал на ее оскорбление. Поставил фужер на столик, взяв свою балетную пассию за руку, ответил:

– Лечу подписывать крупный контракт. И заодно присмотрю себе землю для строительства виллы. А у Ксаны завтра спектакль. Ей, между прочим, доверили Жизель танцевать.

Татьяна криво усмехнулась: «С твоими деньгами ей и Спартака скоро предложат».

Маркелов обнял девушку и, кивнув всем головой, вышел с ней из гримборной. Судя по лицу Татьяны, настроение у нее испортилось окончательно. Она потребовала еще шампанского, после чего объявила, что спектакль закончился. Гости безропотно стали прощаться. Павел сел на диван, давая понять, что не собирается следовать за ними. Когда в гримборной, кроме Стасика, никого не осталось, Татьяна встала, подошла к Павлу и с удивлением спросила:

– У тебя что, серьезные намерения?

– Вполне, – ответил он.

– Тогда иди, заводи машину. Я быстро. Мазаться не буду. И так хороша. Стасик, проводи его. А то запутается в наших катакомбах.

В сопровождении Стасика Павел с удовольствием вышел через служебный вход на пустынную, слабо освещенную улицу. Глубоко вдохнул ночной морозный воздух. На темный асфальт падали первые мелкие снежинки. Начиналась настоящая зима. Стасик стоял рядом, ежился, но не уходил, желая, очевидно, напомнить о своей готовности продолжить отношения. Павел сделал знак рукой, и к нему подъехала желтая «волга»-такси. Стасик удивился:

– А где же ваш шестисотый «мерседес», граф?

– У меня его никогда не было. Я в Москве купил «БМВ-520», но ее тут же угнали. С тех пор пользуюсь такси. Очень удобно и недорого. Заказываю на целый день и никаких проблем.

Из дверей театра в песцовом жакете вышла Татьяна. Неуверенно сделала несколько шагов и остановилась в растерянности. Но заметила Стасика и подошла к машине:

– Котик, ты чего раздетый, эдак яйца хрустелем зазвенят. Иди, приberi в гримборной.

Павел открыл дверцу машины, и Татьяна бухнулась на заднее сиденье. Он сел рядом. Таксист по привычному маршруту повез графа с его дамой домой. Ехали молча. В темноте салона, освещаемого редкими бликами рекламы, Татьяна прижалась к Павлу и положила ему голову на плечо. По ее спокойному и жаркому дыханию можно было предположить, что она заснула. Вдруг, миновав Трубную площадь, машина завихляла, и шофер остановился, прижавшись к бордюру на Рождественском бульваре.

– Колесо полетело! – в сердцах сообщил он и вылез из машины. Возможно, это разбудило Татьяну. Не поднимая головы с плеча Павла, она принялась ласкать рукой его лицо. Он от неожиданности замер. Ее пальцы нежно кружили вокруг его губ, потом, скользнув по шее, распахнули пальто и полезли под рубашку. Тело Павла покрылось мурашками. Он не мог произнести ни одного слова. Не потому, что смущался, а из-за нахлынувшего восторга желания. Рядом с Татьяной он ощущал себя тем семнадцатилетним юношей, который замирал от мучительного, еще непонятного томления, когда во весь экран показывали ее лицо с полуоткрытыми губами и завораживающе искренними глазами. Весь светский лоск, мужское превосход-

ство и иронично-снисходительное отношение к женщинам покинули его, стоило только руке Татьяны прикоснуться к нему. А рука упорно следовала дальше. Вот уже цепкими пальцами впилась в его грудь и резко рванула вниз, так что посыпались оторванные пуговицы. И прежде, чем Павел успел ее поцеловать, Татьяна уже залезла в брюки. То, что она там обнаружила, заставило ее удивленно ойкнуть:

– Граф, как вам удастся прятать такое богатство. Его нужно немедленно выпустить на свободу.

Второй рукой она растегнула молнию ширинки, и ее голова медленно сползла к нему на колени. Этого Павел никак не ожидал. Он не сомневался, что сегодня Татьяна станет его любовницей, но то, что она завладела инициативой, сковало его и смутило. Они оба не заметили, как водитель сел за баранку, искоса посмотрел в зеркало и усмехнулся. Уже на ходу, подпрыгивая вместе с машиной на бесконечных колдобинах, Павел разрешился от безумного желания, умело распаленного Татьяной. Она долго еще не поднимала голову, при этом так вздрагивая всем телом, что мех ее жакета ходил ходуном. Павел осторожно приподнял ее и поцеловал в мокрые липкие губы.

Через несколько минут машина въехала во двор напротив известного загса и остановилась у подъезда. Павел расплатился с водителем. Причем дал ему большие чаевые, вроде как компенсацию за доставленное моральное неудобство. На что тот ободряюще подмигнул, дескать, ничего, еще и не такое бывает.

Лифта в доме не было. Татьяна отказалась идти по старой крутой лестнице, сославшись на усталость. Павлу пришлось подхватить ее на руки и с трудом дотащить до третьего этажа. И вот, «телевизионная мечта» переступила порог его холостяцкого жилища. Но уже не эфемерной, желанной и недоступной женщиной, а властной хозяйкой положения. Не снимая своего песцового жакета, она принялась осматривать квартиру. Никакого привычного коридора или прихожей не было. Небольшой холл справа соединялся прямоугольной аркой с комнатой, в которой стояли друг напротив друга два кожаных темно-вишневого цвета дивана. На широком подоконнике невысокого квадратного окна возвышалась старинная лампа на бронзовой подставке с эмалевой вставкой, на которой был изображен ангел. Само окно было красиво убрано по бокам шелковыми бледно-вишневыми шторами. В углу телевизор «Панасоник». В центре комнаты – низкий длинный стол красного дерева с белой мраморной плитой посередине столешницы. Возле телевизора на ажурных гнутых ножках-полозьях возвышалось кожаное кресло-качалка с небрежно брошенным на него клетчатым шотландским пледом. На белых стенах висели старинные литографии и офорты.

– Довольно мило, – певуче одобрила Татьяна. – Ну а где ложе, на котором ты собирался меня сегодня иметь? – и сама открыла высокие белые двери с бронзовыми ручками, ведущие в спальню, самую большую комнату этой квартиры. В пространстве между невысоких окон стояла широкая кровать под зеленым балдахином, с четырех сторон занавешенная салатового цвета тюлем. Стены были затянуты шелком фисташкового цвета, и на каждой висело большое зеркало в бронзовой раме. Татьяна обошла кровать, подошла к туалетному столику из малахита, быстро осмотрела наборы косметики, флакончики с духами, золотистые баночки с кремами и небрежно сказала:

– Мне тут ничего не подходит, но подбор косметики неплохой. Сам покупаешь или любовницы забывают?

– По-разному, – уклончиво ответил Павел.

Довольная увиденным, Татьяна отправилась в ванную комнату и, оказавшись там, вскрикнула от удовольствия, обнаружив джакузи.

Павел, чтобы не слоняться за гостьей без дела, пошел на кухню, надеясь, что приготовленный им кофе протрезвит Татьяну. Кухня была соединена со столовой, достопримечатель-

ностями которой были старинный обеденный стол из грушевого дерева и дюжина таких же стульев с плетеными овальными спинками, а также возвышающийся монументальный старинный буфет со множеством ящичков, стеклянными дверцами, зеркальными полочками. В нем стоял гарднеровский сервиз на сто двадцать предметов. Кухонный стол идеальным порядком и чистотой красноречиво указывал на педантичный характер хозяина.

Павел поставил на плиту воду для кофе, но сварить его не успел, потому что из ванны послышался низкий голос Татьяны, совсем, как со сцены.

– Граф, вы мне доставили несказанное блаженство! Принесите холодного шампанского! Только советское, я другое не люблю.

Он исполнил ее просьбу без особого энтузиазма. Но когда вошел в ванную комнату, не мог удержаться от восхищения. Татьяна была окутана бурлящей пеной, и ее полная грудь покачивалась на поверхности воды, плещущейся о края высокой ванны. Глаза ее блестели от восторга. Она высунула ногу из пены и плеснула водой в лицо Павлу. Потом схватила бутылку шампанского и отхлебнула прямо из горлышка.

– Я поставил кофе. Выпьем, когда примешь ванну, – сказал Павел.

– На хрена? После него не усну. Нет уж, расстели-ка лучше свой антикварный станок, умираю, спать хочу. А может, ты решил, что будешь меня трахать? Нет, котик, со мной так не бывает. Я сама трахаю мужчин, где и когда захочу. Поэтому устраивайся на сегодняшнюю ночь подальше от меня. Терпеть не могу спать вдвоем.

Павел вышел, ничего не ответив. В душе бушевала обида. Не так он представлял себе их встречу. Сколько красивых, давно придуманных слов он хотел ей сказать! Какие тайные признания желал произнести! Как мечтал долго-долго разглядывать ее откровенные глаза! Искать в них те отчаянные всполохи, которые так обжигали его в юности. Ничему этому не суждено было воплотиться. Он прошел в спальню, дернул за золотой шнурок и приподнял тюль над кроватью. Откинул покрывало и, включив ночник, вышел. Взял бутылку шотландского виски, включил телевизор и сел в свое любимое кресло-качалку. За его спиной, шлепая босыми ногами, промелькнула Татьяна, завернувшись в белое махровое полотенце, с бутылкой шампанского в руке.

Павел никак не прореагировал. Он чувствовал себя опустошенным. Больше всего не хотелось вспоминать о происшедшем в машине. Но в сознании упрямо возникали яркие картины их близости. Если бы на месте Татьяны была любая другая женщина, Павел скорее всего радовался бы такой легкой и пикантной связи. Но в данном случае все произошло не так, как мечталось. Противно, когда красивая мечта лопается, словно бракованный презерватив...

Он пил редко. Потому что очень не любил терять контроль над своими действиями. Но уж когда случалось, то делал это исключительно дома, предварительно отключив телефон и не откликаясь на звонки в дверь. Пил тупо. Бессмысленно глядя в телевизор или листая альбомы с живописью. Предпочтение отдавал простой русской водке, закусывая ее «тюрей» – черным хлебом с луком и солью, залитыми подсолнечным маслом. Как когда-то в Прокопьевске. Но такое случалось редко, не более двух-трех раз в год, и длилось не больше недели. Сейчас на Павла накатило это темное, мрачное настроение. Он провел длинными пальцами по покрывшемуся испариной лбу. Пошел на кухню, выключил несостоявшийся кофе, бросил в высокий стакан лед и вернулся к телевизору. С экрана смотрело на него знакомое до боли скуластое лицо Татьяны. На ночном канале крутили старый черно-белый фильм про какой-то завод. Павел, не отрывая глаз от ее говорящего профиля, налил себе полный стакан виски и сделал несколько глотков. Вдруг холодные ладони прикоснулись к его пылающим щекам. Он резко обернулся. Рядом стояла обнаженная Татьяна. Она смотрела на него глубоким, тревожным взглядом. Он тоже молчал. Татьяна резко прижала его голову к своим прохладным грудям и задумчиво произнесла:

– Сумасшедший, неужели ты меня действительно любишь?

Павел ничего не ответил. У него просто не было сил. А по телевизору молодая и задорная Татьяна несла какую-то чушь про комсомольскую путевку в тайгу.

Глава вторая

Маркелов стоял у входа на таможенный контроль и курил. Объявили посадку на рейс в Афины. Лавр, его правая рука, помощник, начальник охраны, поделщик и собутыльник, еще раз проверил по блокноту все задания, которые по дороге в Шереметьево надиктовал ему хозяин.

– И не забудь в пятницу послать в музыкальный театр корзину цветов для Ксаны. Кстати, пусть кто-нибудь из твоих ребят понаблюдает за ней. Но без напряжения.

– Порядок, хозяин. Жду от тебя звонка из Афин.

– Ладно. К черту, – сказал Маркелов, бросил в высокую металлическую урну недокуренную сигарету и отправился на досмотр.

Расставшись с Лавром, он как бы оставил все мысли о московских делах за чертой паспортного контроля. Теперь ему предстояло сконцентрироваться на странном коммерческом предложении, для обсуждения которого он и летел в Грецию. Маркелов редко ввязывался в дела, отдающие привкусом авантюры. Его положение в российском бизнесе было прочным и стабильным. Поэтому любые сомнительные сделки, какие бы прибыли они ни сулили, однозначно им отвергались. И так пришлось приложить много усилий, чтобы похоронить в памяти людей свое криминальное прошлое. Он загремел в брежневские времена в связи с раздутым делом Союзгосцирка. Был обвинен в том, что, работая директором цирковых коллективов, провозил контрабанду, в основном бриллианты, в клетках с тиграми и львами. Маркелов все отрицал. Но компания была раскручена, из ЦК требовали крови, и Маркелову дали на всю катушку. Восемь лет с конфискацией. В лагере он получил кличку «Дрессировщик» и, возможно, благодаря ей и выжил. Отсидел он меньше назначенного срока. На воле уже вовсю кипела перестройка, капиталы создавались в считанные дни. Маркелов прежде всего продал припрятанные на черный день камни и на вырученные деньги основал кооператив «Интеркрона». Стал продавать на Запад пантокрин и лекарственные травы. Потом переключился на цветные металлы. Торговал магнием, ванадием, ниобием, которые в те времена стоили копейки, а за границей на них сколачивали целые состояния. К сожалению, время, когда все торговали всем, быстро закончилось, и Маркелов, не желая рисковать, перешел на вполне легальный бизнес – торговлю недвижимостью. Он покупал недостроенные объекты, в основном в ближнем Подмосковье, и перестраивал их в кемпинги и коттеджи. Жизнь устоялась и приобрела стабильность. Лавр умело оградил его от всяческих разборок, наездов и претензий. В политику Маркелов не лез, но в деловой жизни Москвы принимал активное участие. Был членом многих ассоциаций, обществ и клубов.

Поэтому, когда из Греции пришел факс от его бывшего сокамерника Яниса, сидевшего за организацию подпольного текстильного цеха в Ташкенте, Маркелов небрежно отложил его и попросил Лавра избавить от домогательств старого знакомого. Но Янис не успокоился. И наконец, случайно, один из факсов, содержащий странное на первый взгляд предложение – создать звероферму для выращивания норок, из меха которых в Греции будут шить шубы, – снова попался на глаза Маркелову. Он удивился и неожиданно для себя решил съездить в Афины. Это решение скорее всего было продиктовано эмоциями, нежели деловым расчетом, такие командировки всегда содержат в себе возможность отдохнуть, не выпадая из рабочего ритма.

Маркелов с удовольствием вытянул ноги, удобно откинувшись в широком кресле салона бизнес-класса, и дремал до самого приземления.

Афины встретили его душной и влажной солнечной погодой. В зале прилета пассажиры-туристы выстроились в две длинные очереди на паспортный контроль. По ту сторону кабинок Маркелов заметил совсем седого, но по-юношески стройного и спортивного Яниса.

Он показывал жестом на кабинку, возле которой стояло всего несколько человек. Это был специальный проход для бизнесменов. Через несколько минут Маркелов попал в объятия старого приятеля.

– Дрессир! Ты совсем не изменился! Ну, конечно, стал важным, не без этого. Молодец, что приехал. Я уж тут от досады локти кусал!

– Привет, Янис, – сдержанно ответил Маркелов. – Жара у вас прямо ташкентская.

– В это время ничего, дышать можно. А у вас небось метель метет?

– Метет.

Янис подхватил с багажной ленты чемодан, указанный Маркеловым, и поспешил к платной стоянке, где оставил свой новенький джип «сузуки».

– Для Греции такая машина все равно что «линкольн» для Америки, – не удержался он от хвастовства.

Маркелов знал – это его слабость, поэтому к любой информации, полученной от Яниса, относился скептически. Как только выехали на трассу, Янис предупредил:

– Будешь жить в Глифаде. Это курортный городок, практически Афины. Так удобней. Жалко, купальный сезон закончился.

– А какая температура воды?

– Градусов восемнадцать.

Маркелов усмехнулся:

– Вас, узбеков, и в тридцатиградусную воду не заманишь. Привыкли из пиалушки умываться.

– Греки тоже не купаются. Считают, не сезон.

– Ну а для меня в самый раз. На какой день назначены переговоры?

– На сегодня. Нас ждут к восьми вечера. Сейчас поселю тебя в отличную гостиницу прямо на берегу моря, покушаем, потом отдохнешь, наденешь смокинг и на переговоры.

– Зачем смокинг для переговоров?

– Так надо. Ты его привез?

– Только плавки захватил.

– Ничего, подберем. Я так и предполагал.

Машина остановилась возле небольшого трехэтажного здания в псевдоантичном стиле с колоннами и портиками. Услужливый портье встречал их на мраморной широкой лестнице. Он улыбнулся Маркелову и сказал по-английски, что апартаменты с видом на море готовы. Маркелов кивнул головой в знак благодарности, и они вдвоем поднялись в прозрачном лифте-стакане на третий этаж. Маркелову номер понравился. Он был небольшой, но светлый и не заставленный лишней мебелью. Полукруглый холл выходил на застекленную веранду, со всех сторон которой плескалось изумрудное задумчивое море. Направо маленькая спальня с широкой овальной кроватью, пуфиками и дверью в ванную комнату, отделанную розовым мрамором. С другой стороны холла находился кабинет с большим прямоугольным окном, письменным столом и креслами в стиле ампира. За этот стол сразу же и уселся Маркелов.

– Давай, выкладывай, на кой черт вам понадобилась звероферма в России. Мне эксперты сказали, что здесь своих норок не знают куда деть. В Европе мода на натуральный мех резко падает. Да еще эти сумасшедшие «зеленые» с краской по улицам бегают.

– Не все так мрачно. Пока каждая русская женщина не купит нашу шубу, мы будем в порядке. Дрессир, пойдем лучше покушаем. Мне еще за твоим смокингом ехать. Немного отдохнешь, поживешь здесь, познакомишься с людьми, а после приступишь к делу.

– Нет, дорогой, я сюда приехал не лобстеров жрать и не на песочке валяться. Выкладывай, с каких это пор у вас переговоры в смокингах ведут?

– О, поверь мне, сегодняшний прием, который устраивает у себя на загородной вилле Апостолос Ликидис, важнее любых переговоров. А о делах мы потом поговорим. В шортах где-нибудь на островах.

Маркелов и не сомневался, что предложение о звероферме всего лишь предлог, и его вытащили в Грецию для какого-то другого серьезного разговора. Поэтому следовало быть предельно осторожным. Янис хоть и был когда-то преданным товарищем, сейчас служит другому хозяину и наверняка относится к нему, Маркелову, как к лоху. За границей наши бывшие соотечественники прежде всего приобретают презрительно-снисходительное отношение к тем, кто остался там, в России. Им кажется, что они умнее, поворотливее, расчетливее только потому, что сумели устроиться в приличной стране. Глупости! Маркелов давно зарекся вести дела с эмигрантами, особенно когда они выступают в роли посредников. Поэтому, не задавая Янису обычных вежливых вопросов о том, как он устроился в Греции, сумел ли купить дом, каким бизнесом занимается, сколько детей и хороша ли любовница, сразу переключился на грека:

– Что за Апостолос? Он с Россией контактил?

– Никогда. Как бы тебе лучше объяснить? Помнишь Онассиса?

– Помню.

– Это приблизительно тот же уровень.

– Онассис норками не занимался...

– При чем тут Онассис?! Ликидис появился в Греции сравнительно недавно. Свои капиталы сделал в Америке. Вернулся сюда чуть ли не как национальный герой. У него целый флот. Танкеры, сухогрузы, паромы. Ему пятьдесят лет, и он мужик в самом соку. Еще немного, и возникнет настоящая империя Апостолоса Ликидиса...

– Ясно, – оборвал его Маркелов, видя, что Яниса, как всегда, заносит. – Ты-то при нем чем занимаешься?

– Ничем. У меня свой бизнес. Я торгую апельсинами.

– Жаль, – вздохнул Маркелов. – Страсть как не люблю посредников.

– Нет, я, если на то пошло... – смутился Янис и не смог не похвастаться, – консультирую его по вопросам Восточной Европы и СНГ.

– Это уже лучше, – улыбнулся Маркелов. Он понял, что Янис выполняет указания Апостолоса и поэтому вытянуть из него более интересную информацию не удастся. Остается подождать до вечера. Чутье подсказывало, что нужно готовиться к чему-то серьезному. – А почему именно я заинтересовал твоего шефа? В России сейчас полно фирм покруче, чем моя. Я ведь в основном коттеджи строю.

– Он мне не шеф, – настаивал на своем Янис. – Кандидатуру подобрал я. По старой дружбе. Но не только. У тебя хорошая репутация в России.

– И портить ее не собираюсь. Учти это, дорогой друг-приятель Янис.

– О чем речь, Дрессир! Ты в английском сечешь? Я-то только по-гречески надрочился. Маркелов рассмеялся.

– В те далекие времена, когда ты подштанники строчил в своем цеху, я уже из-за границ не вылезал. Цирковые коллективы возил. Секретарем парторганизации был. Поэтому доверяли вести переговоры. А ты спрашиваешь про знание языка!

Янис встал и заторопился.

– Ну, тогда проблем не будет. Идем покушаем, а то ведь время не ждет.

– Езжай-ка лучше за смокингом, я и сам поем. Чего нам с тобой талдычить? Воспоминаний я терпеть не могу, а ничего нового о делах из тебя все равно не вытянуть.

Янис быстро выскочил из номера. Маркелов вышел на веранду. Эгейское море совсем рядом лениво катило помутневшие волны. На пляже было всего несколько человек, звучала русская речь. Маркелов решил обязательно искупаться, но перед этим немного выпить. Он

переделся в легкие голубые брюки и синюю вязаную кофту, на ноги надел белые сандалии, взял с собой плавки и спустился в бар. Там в полном одиночестве выпил двойную порцию «Метаксы» и отправился на пляж.

После купания Маркелов впервые за многие месяцы позволил себе днем поспать. Разбудил его Янис. И немало удивил тем, что смокинг, принесенный им, оказался впору.

Довольный произведенным эффектом, Янис скромно заметил, что благодаря своему пошивочному прошлому на глаз определяет размеры клиента. После чего помог застегнуть на шее Маркелова узкую черную бабочку в белую крапинку.

– Отлично, Дрессир! Практически европейский вид!

– Тоже мне, Европа! – проворчал Маркелов, но остался доволен своим отражением в зеркале.

Они сели в джип и поехали по шоссе вдоль моря. Сумерки сгущались почти незаметно. Буйными неоновыми дугами светилась реклама отелей, ресторанов и небольших магазинчиков. В тавернах понемногу заполнялись пустые столики, на которых загорались свечи. А на море было еще совсем светло. Странное ощущение величественного покоя и вечности – с одной стороны, и суетливо-искрящейся жизни, с другой – настроили Маркелова на философский лад. Он вдруг почувствовал себя очень значительным, состоявшимся человеком, прошедшим жесткие испытания на прочность и сумевшим взять от жизни свое. Теперь это море, перевидавшее на своем веку несметное количество народа, плещется почти рядом и взирает на него, как на достойного уважения человека.

Минут через сорок пейзаж начал меняться. Исчезли городские постройки, и по берегу моря потянулись виллы за высокими белыми заборами. К тому же перестали реветь почти над головой идущие на посадку самолеты. Янис болтал без умолку, но Маркелов совершенно не слушал его, а только время от времени кивал головой и похлопывал его по плечу. Он чувствовал, что бывший сокамерник очень переживает по поводу предстоящих переговоров. То, что намечается какая-то лажа, Маркелов не сомневался. Но прошли те времена, когда любой иностранный партнер мог внушить ему уважение своим богатством и показной роскошью. Поэтому знакомство с греческим миллионером не вызывало особых эмоций.

Наконец приехали. Ворота виллы автоматически открылись. Джип медленно въехал в оазис на берегу пустынного моря. Вдоль асфальтовой дорожки, по которой они ехали к дому, стояли пузатые пышноголовые пальмы. За ними с двух сторон били небольшие мраморные фонтанчики. Зеленые лужайки обрамляли низкие кусты магнолий с розовыми цветами. Дом, к которому они подъехали, отразил их джип во множестве тонированных зеркал. Весь его овальный фасад был зеркален. С двух сторон пологой мраморной лестницы стояли античные богини. Судя по пожелтевшему мрамору, это были копии прошлых веков.

Зеркальные двери бесшумно отворились настежь. Янис и Маркелов вышли из машины, которую тут же отогнал от особняка неизвестно откуда взявшийся юркий филиппинец. Маркелов проследовал за Янисом мимо застывших улыбок лакеев, одетых в золотистые фракы, и оказался в высоком круглом помещении с прозрачным стеклянным куполом. Обилие экзотических растений, пальм, лиан, огромных кактусов и прочей неизвестной Маркелову растительности означало, что прием организован в «зимнем» саду. Хотя какая в Греции зима? Но тем не менее. Среди зелени прохаживались мужчины в смокингах. Дамы в вечерних туалетах кормили лебедей, плавающих в узком бассейне, окружавшем небольшой островок с пальмой посередине. К нему вело три горбатых ажурных мостика.

Янис, не задерживаясь, повел Маркелова к стойке бара, где они взяли по бокалу шампанского, и в этот момент к ним подошел сам хозяин.

Одного взгляда на Апостолоса Ликидису было достаточно, чтобы оценить колоритность его внешности. Он был гигантского роста и не менее внушительной полноты. Даже хорошо сшитый смокинг не придавал ему элегантности. Но в его неуклюжести было что-то добродуш-

ное. Ноги он ставил по-медвежьи, носками внутрь. Седую с сильными залысинами голову украшала очень короткая борода, больше напоминавшая щетину давно не брившегося человека. Массивный нос картошкой возвышался над полными губами, которые он постоянно покусывал.

Ликидис приветливо улыбнулся Маркелову, но при этом смерил его пристальным взглядом.

– Давно не встречался с русскими. Были какие-то связи в Америке с вашими соотечественниками. Но они там какие-то мелкие, суетливые. Правда, пьют грандиозно. Рад нашему знакомству. Надеюсь, вы приятно проведете время в моем доме.

После этих слов он отошел к появившейся супружеской паре.

– Это мэр Афин, – шепнул Янис.

Маркелов понял, что ни о каких делах сегодня речи быть не может. Ему стало даже как-то веселее. В конце концов, нельзя же всю жизнь проводить в переговорах. Люди вот собираются, отдыхают. Красиво, солидно, и можно не волноваться, что кто-нибудь откроет стрельбу. В Москве Маркелов без охраны не выходил на улицу. И не потому что боялся покушения, такое ведь без предупреждений не происходит, а опасался всяких залетных идиотов, поскольку психика сограждан давно балансирует на грани срыва. А здесь можно расслабиться. Янис тем временем перечислял ему именитых гостей. Маркелову они были до лампочки, но он уважительно кивал головой.

Вечер грозил уже превратиться в нудный светский раут, если бы возле Маркелова не оказалась раскрасневшаяся молодая женщина. Она была невысокого роста, с подвижной спортивной фигурой, практически без груди и оттопыренной попки. Ее легкое бирюзовое платье на тонких бретельках с высокой кокеткой расходилось колоколом и заканчивалось чуть выше колен. Поскольку девушка была постоянно в движении, создавалось впечатление, будто платье крутится вокруг ее талии. Ее черные волосы мелкими кудряшками падали на плечи. Небольшое личико с несколько длинноватым носом выражало любопытство. Этому способствовали карие небольшие глаза с торчащими в разные стороны длинными ресницами. Рот у нее был все время приоткрыт. Румянец, возникший скорее всего вследствие выпитого шампанского, заливал щеки и тонкую шею. Она спросила Маркелова по-русски, но с легким акцентом:

– Боже праведный, вы из России?

– Да. Вы тоже?

– О, уже давно. Это очень скверная история. Меня зовут Антигони, – и девушка уверенно протянула ему свою маленькую жесткую ладошку.

– Илья Маркелов, – представился он.

– Мне Апостолос говорил, что будет русский. Вы пьете водку?

– Нет. Джин-тоник, а вы?

– Терпеть не могу водку. Моего отца в России споили агенты КГБ. Да, да. Он был известным греческим журналистом и после переворота, когда здесь к власти пришли «черные полковники», переехал со мной и мамой в Москву. Там он писал книги. Но очень быстро понял, что никакого социализма у вас нет. Тогда его стали спаивать. Он перестал работать. Все время ходил по гостям, бросил маму и женился на какой-то русской б... Мы после этого уехали в Америку. А он умер от водки. Я не люблю Россию.

– Теперь там все по-другому. КГБ больше нет. В те годы многим жизнь испортили. Мы все пострадали. Вы что будете пить?

– О, я пью исключительно шампанское. В этом доме его море. Давайте выпьем за то, что у вас больше нет КГБ!

Янис услужливо принес им два бокала с шампанским. Она жадно выпила.

– Янис, принеси-ка нам еще, будем веселиться! – Антигони перевернула пустой бокал и потрясла им как колокольчиком. И продолжила разговор с Маркеловым. – У вас, господин

Илья, очень интересное лицо, я впервые вижу русского бизнесмена. Вы мне нравитесь. Давайте уединимся?

– Куда? – не понял Маркелов.

– Да хотя бы вон за ту пальму, – она указала пальцем на одинокое дерево, стоящее посередине островка, к которому вели мостики.

– Вы серьезно?

Антигони заразительно рассмеялась. Крутила руками возле головы и радовалась, как ребенок, глядя на вытянувшуюся физиономию Маркелова. Он действительно растерялся.

– Нет, вы не грек! Любой бы на вашем месте уже поволок меня куда-нибудь, задирая на ходу юбку. Мне ваша нерешительность нравится.

– Ну, нерешительным я бываю редко. Для меня это не характерно.

– Пусть! Но со мной оставайтесь нерешительным. И не смотрите на мои ноги! – она схватила полный бокал, вновь принесенный Янисом, и принялась крутиться в танце. – Пора музыкантам устроить большой шум. Нас все бросили. Они играют в карты, а мы будем танцевать!

Маркелов вопросительно посмотрел на Яниса, тот слегка пожал плечами. Антигони заметила этот взгляд и повелительно обратилась к Янису:

– Немедленно иди к Алосталосу и передай, что у меня новое увлечение – русский бизнесмен. А он пусть продолжает играть в свой дурацкий винт. Илья, вы играете в карты?

– Только в преферанс.

– О, тогда вы мой. Иди, иди, Янис, не бойся. Апостолос не оторвется от ломберного стола.

Она схватила Маркелова за руку и потащила в ту сторону сада, откуда звучала тихая, мелодичная, греческая музыка. Несколько пар вяло двигались под нее. Маркелов отметил про себя, что на всех женщинах были дорогие бриллиантовые украшения. Почти все они были в легких невесомых платьях и вели себя предельно независимо. Брошенные мужчинами ради винта они группками сидели под пальмами и оживленно разговаривали, не забывая краешками глаз наблюдать за ним и Антигони.

– О, как я не люблю этих афинянок! Они ужасные сплетницы! Вообще после Америки к Греции трудно привыкать.

– А чем вы занимались в Америке? – деликатно спросил Маркелов, медленно кружась с ней в танце.

– О, всем. Даже танцевала на Бродвее, – и Антигони сделала мах ногой для пущей убедительности. Но Маркелов про себя отметил, что у Ксаны антраша получаются лучше.

Немного помолчав, Антигони неожиданно спросила:

– У вас намечается бизнес с Апостолосом?

– Пока не знаю, – признался Маркелов.

– О, господин Ликидис – человек неумный. Вам будет трудно устоять. Держитесь.

– А вы тоже занимаетесь бизнесом с господином Ликидисом? – решил пойти в наступление Маркелов.

– О нет! Я с ним занимаюсь исключительно любовью. И иногда помогаю тратить деньги, которые он не успевает проиграть в карты. Мне кажется, если бы не винт, Апостолос ужасно мучился бы, не зная, зачем человеку нужны деньги. Да, да. Его невозможно научить тратить. А вы на женщин много тратите?

– Много... – вздохнул Маркелов.

Антигони отстранилась от него, внимательно осмотрела с ног до головы и, слегка прищурив глаза, заявила:

– Я хочу выпить!

– Ничего нет проще, – сказал Маркелов и с облегчением отправился за шампанским. Он давно ни с кем не танцевал и вообще считал это дурацким занятием. С него было достаточно копытного цеха, размахивающего ногами на эстраде.

Возле стойки бара к нему быстро подошел Янис. Взял его за локоть и принялся шептать:

– Перестань с ней крутиться. Алостолос ужасно ревнивый. Она же его любовница. Неужели не понял? От нее тут все шарахаются. Выбрала себе новую жертву. Вот стерва.

– Что ж мне ее послать, что ли? – возмутился Маркелов. Его понемногу стала раздражать неясность своего положения. Хозяин не уделял ему никакого внимания, давая понять, что он не тот гость, ради которого здесь собрались. Сумасшедшая пьяная гречанка хватается его за лацканы смокинга. И вообще на фиг ему все это нужно? Таких бессмысленных тусовок и в Москве достаточно.

– Не психуй, – заволновался Янис, увидев злобную гримасу на лице друга. – Мы для Апостолоса – люди незначительные. Но с ним можно делать большие дела.

Маркелов презрительно усмехнулся:

– Пусть приезжает в Москву, я ему устрою покруче прием.

– Илья, где вы?! – слышался пронзительный голос Антигони.

Маркелов вздохнул, взял бокалы с шампанским и пошел к ней. Антигони уже забралась на мостик и махала оттуда руками. Внизу под ней в ожидании корма плавали кругами белые грациозные лебеди. Как только бокал очутился в руке девушки, она перегнулась через белые пластиковые перила и обратилась к подплывшему лебедю:

– Выпей-ка, дорогой, немного шампанского... Ну, хоть глоток...

Лебедь недовольно отвел шею в сторону. Антигони решила его все-таки напоить и потянулась за ним. Маркелов понял, что она сейчас свалится в бассейн, но на большее его реакции не хватило. Она действительно, взвизгнув, полетела в воду вниз головой. Лебедь, замахав крыльями, поспешил убраться подальше. Дамы, уютно сидевшие под пальмами, встали как по команде и громко взволнованно заверещали. Из-под воды показалась смеющаяся Антигони. Она стала брызгать водой в сторону Маркелова и кричать: «Спасайте же меня!» Он стоял в растерянности и озирался по сторонам. Отовсюду к бассейну спешили переполошившиеся гости. Но первыми оказались проворные филиппинцы в золотистых фраках. Они быстро помогли Антигони вылезти из воды. Мокрая и возбужденная, она подбежала к Маркелову.

– Мне больше не нравится ваша нерешительность! Почему вы не бросились меня спасать?

– Потому что здесь утонуть невозможно, – ответил он сухо и закурил сигарету.

– Теперь я вижу, что вы бездушный бизнесмен. Больше к русским у меня интереса нет, – она обиженно поджала губки и отошла к лакею, набросившему на нее большое полотенце.

В это время появился Апостолос. Он строго посмотрел на вытирающуюся любовницу, потом перевел взгляд на Маркелова и громко объявил:

– Господа, позвольте вам представить моего гостя из России – бизнесмена Илью Маркелова.

Собравшиеся поглазеть на пьяную Антигони поняли, что хозяин хочет отвлечь их внимание, и тут же обступили русского. С ним наперебой стали знакомиться женщины. Мужчины с интересом расспрашивали его о бизнесе в России. На какое-то время Маркелов стал самым интересным собеседником.

Никто и не заметил, как Апостолос увел Антигони. Высокий, элегантный, с мушкетерскими усиками, мэр Афин познакомил Маркелова со своей спутницей, крупной, дородной женщиной, очень томной и манерной. Растягивая слова, она объяснила, что тоже русская. В Москве у нее осталась роскошная квартира и престарелые родители, о которых заботится ее сестра. По-русски она говорила с каким-то нарочитым акцентом и вообще, казалось, что признаваться в своей принадлежности к России ей было не слишком приятно.

Маркелов начал терять терпение, ведя с ней дурацкую светскую беседу о том, как в Москве стало хорошо жить. Выручил его громовой голос Апостолоса, который пригласил парт-

неров продолжить карточную игру. Мэр вежливо поинтересовался, играет ли Маркелов в винт, и, выяснив, что нет, с радостью оставил с ним свою жеманную подругу.

Этого Маркелов перенести уже не мог. Он извинился перед дамой и безо всяких политесов объявил, что привык рано ложиться спать. Потом резко развернулся и попросил Яниса:

– Отвези меня в гостиницу.

Всю дорогу назад Маркелов матерился по-черному. Янис молчал. Он сам не мог понять поведение Апостолоса. Ведь именно по его настойчивой просьбе пришлось так долго уламывать Илью приехать в Афины.

– Завтра же к е... матери отсюда! – орал Маркелов.

Янис притормозил возле небольшой уютной таверны. Лишь за двумя столиками тесными кружками сидели мужские компании и пели народные песни. Легкий ветерок с моря путался в натянутом парусиновом тенте. Разноцветные лампочки вместе с плющом обвивали поддерживающие его белые столбы. На открытых жаровнях дымились куски мяса. Официанты в национальных костюмах с черными фесками слонялись без дела и, как служебные собаки, навестили уши, увидев притормозивший джип.

– Дриссер, плюнь на них, давай сядем и закатим по-нашему.

Запах жареного мяса был убедительным аргументом. Маркелов молча вылез и рявкнул подбежавшему официанту:

– Водки! Русской. Бутылку. Понял? Бутылку!

Янис по-гречески сделал остальной заказ, и на столе быстро появились разнообразные закуски. Тут же на блюде был принесен барашек. Маркелов долго пил и молча ел. Наконец алкоголь успокоил его натянутые нервы, и он, икнув уже без прежней злобы, задал все тот же вопрос:

– На кой черт я сюда приехал? Мне звероферма нужна, как зайцу триппер.

Янис уныло молчал. Он не имел права посвящать приятеля в грандиозные планы, которые разработал Апостолос. И чем больше думал о происшедшем, чем отчетливей понимал, что неспроста Апостолос продемонстрировал всем полное безразличие к московскому гостю. Это он и попытался втолковать Маркелову. Но тот был настроен крайне агрессивно. Только вторая бутылка запотевшей водки «Абсолют» и фантастически приготовленное седло барашка окончательно притушили его гнев.

Пьяного и икающего Маркелова Янис усадил в джип и довез до отеля. Там пришлось выпить еще шампанского и дотащить приятеля до кровати. Маркелов заснул сразу.

Утром он проснулся довольно поздно и только потому, что разрывался телефон. В трубке громыхал голос Апостолоса с предложением прокатиться на яхте и пообедать в его рыбацьем домике на острове Эгина.

Поскольку Маркелов железно решил возвращаться в Москву, то на приглашение реагировал довольно вяло, с трудом подбирая английские слова. Апостолос это почувствовал и вдруг резко произнес:

– Послушай, я пригласил тебя для работы над серьезным проектом. Если не желаешь, катись к черту. А если у тебя есть в голове что-нибудь, кроме мусора, спускайся через сорок минут в холл отеля.

Маркелов в сердцах бросил трубку. Так с ним разговаривали только однажды в следственном изоляторе. Прошелся по залитому светом номеру. Открыл окно на веранде и вдохнул свежий воздух с моря. Достал из холодильника банку «Кока-колы», с жадностью выпил и закурил. Встречаться с Апостолосом он не собирался. Но и глотать оскорбления, услышанные по телефону, не желал. Необходимо было поставить этого толстобрюхого ублюдка на место. Но как? Миллионеру в Греции просто так морду не набьешь. Эх, жаль, что они не в Москве!

Маркелов заметался по холлу и от злости выбросил пустую банку в окно. Потом сел в кресло и попытался успокоиться.

После недолгих размышлений пришел к выводу, что для сведения счетов не следует пренебрегать приглашением Апостолоса. Раз уж он так настаивает, Маркелов начнет с ним бизнес и кинет его как последнего лоха. На всю жизнь запомнит грек, как надо принимать русских бизнесменов. Убедив себя в правильности найденного решения, натянул голубые брюки, ту же вязаную майку и спустился в холл отеля. Там его ждал встревоженный Янис.

Коротко поздоровавшись, они сели в машину. Маркелов с интересом смотрел по сторонам и не собирался поддерживать разговор. Янис решил тоже помолчать. Его джип подъехал к небольшой бухте, где стояло несколько роскошных яхт. Их мачты плавно покачивались в прозрачно-голубом бездонном небе. На узких, сложенных из крепких бревен мостках они сразу увидели внушительную фигуру Апостолоса. Он был в шортах цвета хаки и в желтой майке. Его двухмачтовая яхта представляла из себя небольшой корабль. Прикрывая ладонью глаза от солнца, он давал команды, которые исполняли три молодых матроса. Они шастали по бортам, распутывали паруса и закрепляли их на мачтах. На пузе Апостолоса висел боцманский свисток. Ни дать ни взять – капитан пиратской шхуны. На палубе в шезлонге полулежала девушка в белом пляжном халатике. По мелким кудряшкам, закрывавшим ее лицо, Маркелов узнал Антигони и еще больше нахмурился. Не глядя на Яниса, вылез из машины.

Апостолос что-то кричал парням на яхте и, не обращая внимания на подошедших, сунул им руку для приветствия. Маркелов ответил слабым рукопожатием, закурил и принялся наблюдать за действиями матросов. Так продолжалось минут пятнадцать. Наконец Апостолос обернулся к ним и пожаловался:

– Приобрел новые паруса, а они оказались коротковаты. Но ничего, с божьей помощью приладили. Поднимайтесь на борт, сейчас ошвартуемся.

Они зашагали по качающемуся трапу и, опираясь на подставленные плечи матросов, прыгнули на палубу. К ним подошел толстый с пышными усами капитан в шортах и капитанской белой фуражке. Представился: «Димитрис Папас», – и проводил гостей в каюту. Она была полностью благоустроена и рассчитана на двух человек. Кроме мягких, узких диванов здесь был деревянный, прикрепленный к полу стол, платяные шкафчики, полки со всевозможной аудиоаппаратурой, кабинки для душа и туалета. Все панели были сделаны из мореного дуба, на них солидно сверкали бронзовые детали. Перед входом в каюту пассажиры попали в довольно большой холл с иллюминаторами, диванами, овальным столом, картинами на стенах и телевизором. Рядом – небольшая кухня. Внутренняя лестница вела в апартаменты Апостолоса, которые находились уровнем выше. Все это показал и объяснил капитан, отправившийся затем в рубку. Пока Маркелов и Янис осматривали интерьеры, яхта на тихом ходу отвалила от причала. Через некоторое время к ним спустился Апостолос. Он по-дружески похлопал Маркелова по плечу:

– Прости меня за вчерашний спектакль. Я – человек радушный и готов своему будущему партнеру оказать самый высокий прием. Но то, что я хочу тебе предложить, требует особого такта. Мне было важно, чтобы вчера все узнали тебя, но как бы ненароком. Иначе сразу стали бы интересоваться, почему я ношусь с русским бизнесменом. Здесь, в Греции, привыкли, что я занимаюсь делами исключительно на уровне правительств. И к тому же подозревают меня во всех смертных грехах. А после того как ты невзначай оказался в центре внимания, особых расспросов больше не возникнет. Потому и не дуйся на меня. Мы им еще хвосты накрутим.

Апостолос, довольный собой, уселся в кресло и, покусывая нижнюю губу, ударил в небольшой колокол. Тут же из кухни возник официант.

– Накрывай! Завтракать будем, – и снова обратился к Маркелову. – Илья, ты меня понял?

Маркелов был удивлен, но не показал вида, тем более что грек оказался куда каким хитрым. Получалось, что вся эта история с пьяной Антигоной была подготовлена заранее. В таком случае нужно быть предельно осторожным. От подобного партнера можно ждать любой провокации.

– Я привык в бизнесе ко всяким ситуациям, – с улыбкой ответил Маркелов и посмотрел на Яниса, который торжествовал, будто все это организовал он.

Тем временем на столе появились столовые приборы, тарелки из тонкого сверкающего серебра, тяжелые кружки и кубки. На блюдах были поданы печеные креветки, семга, жареные осьминоги, огромные лобстеры и большой выбор вин и пива. В бронзовой миске, поставленной в центре стола, радовал глаз греческий салат из паприки, помидоров, овечьего сыра, лука, маслин, заправленный оливковым маслом и винным уксусом. Отдельно предлагалась разная зелень и соусы.

Апостолос вел себя за столом, как Гаргантюа. Ел руками, смачно и неторопливо. Запивал белым вином. Маркелов предпочитал отходить темным бархатным пивом. Разговор в основном поддерживал Янис. Он вспоминал о годах дружбы с Маркеловым. Говорил, что уже тогда был уверен в своем приятеле и пророчил ему большое будущее в деловом мире. Врал, конечно, но его никто не перебивал. Маркелов удивился, что за столом отсутствует Антигона.

– Она плохо себя чувствует, – уклончиво ответил Апостолос. Разделавшись с очередным лобстером, он вытер губы, запил целым кубком вина, закурил тонкую длинную сигару и пристально посмотрел на Маркелова.

– Значит, будем строить звероферму? – с хитринкой спросил он.

Маркелов отрицательно покачал головой:

– Не будем. Дело малоприбыльное и бесперспективное.

– Думаешь, никто в России не захочет со мной сотрудничать?

– Наоборот. От желающих придется отбиваться. Тем более если вы поставите оборудование и запустите пушной цех.

– Так в чем же дело? – искренне удивился Апостолос и взглянул на Яниса.

Маркелов не сомневался в авторстве этой идеи. Поэтому решил показать, что и в России появились люди, умеющие прогнозировать развитие бизнеса.

– Я отношусь к подобной идее скептически. Во-первых, очень трудно будет поддерживать качество шкурок. Пойдет много брака. Во-вторых, транспортировка. Единственный путь – через Украину. Там ни одного своего вагона не найдешь. Можно, конечно, самолетами. Но это намного дороже. В результате шубы, которые вы сошьете, будут дороже местных. Еще несколько лет тому назад можно было повернуть такую операцию. Причем без строительства зверофермы. Несколько молодцев скупили бы столько меха, сколько вы указали бы в договоре, и на основе бартера поменяли бы на уже готовые греческие шубы. В этом еще теплится смысл. Но, повторяю, это вчера. А сегодня никто не продаст ни одной норки дешевле мировой цены. Время быстрых денег у нас прошло.

Апостолос задумчиво смаковал вино. Янис что-то разглядывал в иллюминаторе. Маркелов налил себе еще пива, всем своим видом показывая, что вопрос для него исчерпан.

– И все же вы приехали. Следовательно, проект вас заинтересовал? – после продолжительного молчания спросил Апостолос.

– Этот нет.

– Тогда почему?

– Потому что за этим что-то кроется, – прямо ответил Маркелов и посмотрел в упор на грека.

– Занятно, – задумчиво произнес Апостолос и снова принялся кусать свою губу. – Неужели видны белые нитки?

– Мне да. Но в принципе проект способен пройти у нас все контролирующие инстанции.

– Я же говорил! – вдруг не выдержал и вмешался в разговор Янис.

– Помолчи, – не удостоив его взглядом, рявкнул Апостолос.

В дверях появился капитан Димитрис:

– Адмирал, Эгина. Будем швартоваться или пойдем дальше?

– Швартуйся! – махнул рукой Апостолос и пригласил Маркелова на палубу.

Ветер по-летнему легко и плавно играл с единственным носовым парусом. Яхта шла на моторе. Впереди вырисовывался каменистый остров с редкой растительностью, в основном возле моря. Это были реликтовые приземистые сосны, совсем такие, как на Пицунде. Берег перемежался песчаными отмелями и голыми отвесными скалами. Небольшой порт, запруженный лодками и яхтами, был застроен трех-четырёхэтажными домами с многочисленными балконами, на которых в больших глиняных горшках росли пальмы, фикусы, папоротники. Среди этой зелени трепыхалось сохнувшее бельё.

Яхта Апостолоса прошла мимо порта, обогнула остров, и глазам Маркелова открылось потрясающее зрелище. На одном из холмов стоял белый дом с башенками, арками и террасами. Казалось, он парил в голубом небе и, если бы не длинная лестница, вырубленная из белого известняка, был бы также недостижим, как и редкие пышные облака.

– Вон мой рыбацкий домик, – указал на него Апостолос.

Маркелов молча развел руками, чем, видимо, порадовал хозяина. Потому что тот расплылся в улыбке и стал рассказывать, с каким трудом он его покупал и какие деньги вложил в перестройку и реставрацию. В этом доме с прошлого века жили начальники гарнизона.

Яхта тем временем причалила к маленькой пристани с табличкой «Частное владение». Тут-то к ним и подошла Антигони. Она действительно выглядела несколько бледной. Поздоровалась с Маркеловым, как с давним знакомым, и пожаловалась, что у нее не хватит сил подняться по крутой лестнице в дом.

– Оставайся на яхте, – безразлично предложил Апостолос.

Маркелову было странно видеть, что грек обижался на любовницу, столь успешно сыгравшую вчера роль пьяной девчонки. Но Антигони не обратила внимания на его тон, лишь грустно вздохнула и первая спрыгнула на пристань.

По лестнице поднимались медленно. И потом еще долго не могли отдышаться на лужайке возле дома. Из окна с приветливой улыбкой на них смотрел старик, почему-то очень похожий на турка. Апостолос поздоровался с ним и объяснил Маркелову:

– Это капитан Лефтерис. Инвалид. Когда-то был предводителем пиратов. Теперь живет здесь у меня. Уж под восемьдесят, а с обеих рук попадает из пистолета в подброшенную монету.

– Когда же он пиратством занимался? – не поверил Маркелов.

– Если бы не паралич, он бы и сейчас продолжал это делать, – заверил его Апостолос.

На крыльцо в инвалидной коляске выкатился Лефтерис. Он был одет в морскую форму. На боку, в кожаной украшенной заклепками кобуре висел пистолет.

– Какие новости, капитан? – крикнул Апостолос. Очевидно, старик плохо слышал.

– Давеча чуть ребро не поломал, – крикнул тот в ответ.

– Что, Мария плохо за тобой ухаживает?

– Мария-то хорошо, но я же не на нее упал, – кряхтя, пожаловался старик.

Все дружно рассмеялись. Дольше всех смеялся Апостолос. При этом он косолапо переступал ногами на одном месте. Его мощный нос, нависавший над губами, мелко подрагивал. Тыча пальцем в старика, он сквозь смех объяснил:

– Его в трех странах приговорили к пожизненному заключению. А я вот у себя приютил. Коль собственный флот имею, надо и своего пирата содержать. Вроде талисмана.

Вдоволь насмеявшись, они вошли в дом. Не останавливаясь, Апостолос повел Маркелова в свой кабинет, расположенный на втором этаже. Поднялись они по узкой деревянной

лестнице с резными перилами. Кабинет был небольшой с минимумом мебели и с выходом на террасу. Там, удобно устроившись в шезлонгах, они смогли продолжить разговор. Апостолос снова завел речь про звероферму:

– Говоришь, что в России охотников на мой проект найдется много? Это хорошо. А ты, значит, отказываешься? Жаль... А как там у вас дела с Чернобылем обстоят? – ни с того ни с сего вдруг спросил он.

Маркелов сразу и не врубился. Грек повернул слишком круто. Но, пожав плечами, заметил, что Чернобыльская АЭС находится на Украине, которая является таким же иностранным государством, как и Греция.

– Про это мне известно, – продолжил Апостолос. – Но ведь и Россия пострадала от радиации?

– Задело немного, – согласился Маркелов.

– Вот, вот, а говоришь, Чернобыль к вам не относится, – настаивал грек. – А где задело, знаешь?

– Тоже мне, военная тайна! Где-то в Брянской области есть места, пораженные радиацией.

– И что с ней делают?

– Да ничего. Уверяют, что ничего там нет.

– Разве такое возможно? – от удивления Апостолос аж хлопнул в ладоши.

– У нас все возможно, – повторил Маркелов набившую оскомину фразу. Ему было неприятно, что грек перешел от конкретики на общие вопросы. Сам страсть как не любил эти дурацкие разговоры о политике, о социальном неравенстве, о детях-сиротах и само собой о проблемах Чернобыля. Чувствуя, что Апостолос снова затевает какую-то игру, он сделал вид, что потерял интерес к их беседе, благо на широкие белые перила террасы как раз в тот момент села чайка с красными лапами. Она стала важно прогуливаться, косясь на сидящих в шезлонгах людей. Маркелов принялся наблюдать за ее променадом.

– И все-таки мне не верится, – возмущался Апостолос. – Оттуда же нужно срочно эвакуировать людей. Начать полную дезактивацию. Объявить районом стихийного бедствия. Пустить туда представителей МАГАТЭ. Неужели никто у вас этим не занимается?

Крайне интересно было ехать за тридевять земель, чтобы поболтать о гуманизме, которым Господь обнес Россию?! Поэтому Маркелов разозлился на себя. Раз уж решил вчера немедленно улетать в Москву, то и нечего было ехать на этот остров. Не видя другой возможности выпустить пар, он принялся объяснять миллионеру самые примитивные истины, известные в России каждому школьнику.

– Ты рассуждаешь, как юнец из партии «зеленых»! Пойми, там ведь не везде радиация. Она легла пятнами. В одном месте есть, а в другом нет. Так что прикажешь делать? Всех людей эвакуировать? А куда? Им же нужно дать деньги на строительство домов, оплатить переезд, построить социальные учреждения, магазины. Ты знаешь, сколько сейчас в России самый захудалый коттедж стоит? У вас виллы дешевле. Поэтому и врут, что никакой радиации там нет. У кого есть возможность, тот потихоньку перебирается на новое место жительства, а у кого нет – остаются. Об этом все знают, но махнули рукой. Не до того сейчас...

Апостолос слушал с неослабевающим вниманием. Кусал нижнюю губу и не отрываясь смотрел на Маркелова.

– Значит, неизвестно, какой там уровень радиации? – допытывался он.

– Даже если известно, власти все равно делают вид, будто никакой радиации и в помине нет.

– А землю там купить можно?

– Насчет купить вопрос сложный, а взять в аренду, наверное, можно. Отдадут с радостью. Да какой же дурак туда полезет!

– А тот, кто уверен, что радиации там нет!

– Не знаю. Для этого нужно быть греком.

– И все же, Илья, представь, ты берешь там землю и строишь звероферму. Тебя кто-нибудь заподозрит?

– Врач-психиатр... Послушай, Апостолос, ты собираешься по дешевке приобрести землю в России? Я тебе устрою в любом месте. Через подставных лиц. Мне можешь доверять. Я уже несколько лет активно занимаюсь недвижимостью. Научился обходить даже те законы, которых еще нет.

Апостолос встал и принялся ходить по террасе. Он был явно чем-то взволнован. Чайка с шумом взмахнула крыльями и улетела. Маркелов перестал злиться. Он вдруг чутьем понял, что грек куда-то клонит, но прежде, чем посвятить в свои планы, проверяет на нем какие-то сведения. Не может же он в самом деле интересоваться радиоактивными зонами!

Снизу раздался странный звук, похожий на крик ребенка. Апостолос подошел к широким перилам. Потом знаком позвал Маркелова и показал, как на зеленой лужайке Антигони пыталась влезть на ослика. Но каждый раз, как только она заносила ногу, он отступал на шаг в сторону. Антигони подзывала его, маня кусочком сахара. Ослик подходил, но вместо лакомства животное ожидала новая попытка оседлать его. И ослик снова отходил. Некоторое время Апостолос и Маркелов с улыбками наблюдали за этой идиллической и почти философской сценкой.

– Это мой самый ближайший советник. Зовут его Апулей. Иногда мы с ним подолгу беседуем. Гуляем вместе по горным тропкам. Рассуждаем о человеческой глупости. Видишь, он не позволяет на себе ездить. Он привык, чтобы его кормили без всяких условий...

Апостолос вернулся в шезлонг. Маркелов остался у перил. Солнце начинало припекать совсем по-летнему. Он, как и ослик Апулей, решил ждать, когда грек сам выложит на ладони свою приманку.

– А скажи мне, если вдруг в этой Брянской области вырыть большой котлован и похоронить в нем несколько контейнеров с радиоактивными отходами, фон сильно увеличится? – как бы невзначай спросил Апостолос.

На лице Маркелова не дрогнул ни один мускул, но удар был рассчитан точно. На несколько секунд грек просто выбил его из равновесия. Простота вопроса граничила с простой ответа.

– Допустим, – пробормотал Маркелов.

– Допустим, – согласился Апостолос и продолжил: – Значит, в радиоактивном районе с удовольствием дадут в аренду землю под строительство зверофермы. Заодно владелец участка роет там и обустраивает небольшой могильник. А в это же время некто находит груз, который следует там закопать. Остается маленькая сложность – перевезти его на место захоронения. Несколько таких операций, и можно будет создать самый лучший флот в мире.

– Закопать в Брянской области радиоактивные отходы? – переспросил Маркелов.

– Вот именно. Они практически безвредны. Конечно, под своей клумбой я бы не желал иметь такую радость, но ты сам убедительно доказал, что в той местности радиационный фон и так велик. Немного больше микрорентген, немного меньше. Людей все равно вывозить придется.

Маркелов не был готов к столь серьезному предложению. Он даже не мог представить, какие огромные деньги сулит подобная операция. Но в ней была логика, а это в бизнесе он ставил превыше всего. Апостолос встал, подошел к нему, похлопал по плечу и по-дружески пожурил:

– А ты на меня обижался. Эта идея возникла в голове Апулея. Он со мной как-то поделился ею. Я дал задание Янису собрать все возможные сведения. В том числе и о тебе. Должен признаться, выбор оказался удачным. Считаю, я сделал тебе предложение. Торопить не буду.

Подумай. Лучше отказаться сразу, чем блефовать потом. На карту поставлено будет практически все. Но и такого банка еще никто не срывал.

Маркелов кивнул головой. Он был рад отсрочке. Они спустились вниз, где уже был накрыт стол. К нему подошла Антигони и попросила:

– Илья, вы не могли бы мне помочь покататься на ослике?

Он взглянул на Апостолоса. Тот весело подмигнул:

– Идите, идите. Полюбуйтесь красотами. А я тут с Янисом переброшусь кой-какими мыслями.

Как только Маркелов и Антигони на ослике скрылись за каменистыми уступами, Апостолос подозвал Яниса. Они вышли на лужайку, и хозяин, глядя на покачивающуюся у причала яхту, тихо приказал:

– Я потихоньку введу его в курс дела. Раскрою карты. Объясню, что к чему. Но если твой друг не согласится с моим предложением, возьми его на себя. Но только не в Греции. В Москве, говорят, каждый день бизнесменов взрывают.

– Не сомневайся. Я свое дело знаю.

И они вернулись в дом.

Глава третья

Несколько дней в столице обсуждали бурный роман Татьяны с графом Нессельроде. Вечерами Павел пропадал в театре. Он перестал появляться за карточными столами закрытых игровых заведений. По утрам на теннисных кортах выглядел вялым и инертным. Днем он разъезжал с Татьяной по самым роскошным магазинам. Особенно частыми гостями они стали в элитном бутике «Франком» возле Белорусского вокзала. Посетили они и «Ювелирную лавку» на Тверской, где Татьяна выбрала себе широкий перстень с крупным бриллиантом, как свидетельство их помолвки. Обедали они, как правило, в актерском ресторане на Арбате. В его пустынном зале с белыми колоннами, богатыми хрустальными люстрами, отражавшимися в многочисленных зеркалах, и искусственной зеленью самым ценным был покой. До шестого этажа, на котором располагался ресторан, не долетал городской шум. Редкие посетители вели себя на редкость достойно, а официанты возникали только по необходимости. Иногда, выпив пару бутылок шампанского, Татьяна садилась за стоящий рядом с псевдоантичным портиком рояль и пела Павлу грустные русские романсы.

Он был на вершине блаженства. Татьяна перебралась жить к нему на Грибоедова. Дома она ходила в его халате, наброшенном на голое тело. В любую минуту была готова сбросить его и заняться любовью. В сексе она временами была ненасытна. Но никогда не уступала Павлу. Если у него возникало желание, он должен был не подавать вида, иначе она закатывала истерику.

Зато уж когда начинала сама, никаких преград для нее не существовало.

Павел заметил, что главным импульсом для Татьяны становилось зеркало. Вернее, ее отражение в нем. Она подходила к старинному каминному зеркалу в гипсовой позолоченной раме с розочками и всевозможными виньетками и долго рассматривала свое лицо. Поворачивала его в профиль и косилась на свой прямой римский нос. Ее глубоко посаженные глаза расширялись, язык гулял по крупным чуть желтоватым зубам. После этого она приспускала халат, любуясь покатыми женственными плечами, и затем обнажала тяжелые ленивые груди, которые любила соединять и кончиками пальцев будоражить соски. С этого все и начиналось.

Самым нелюбимым местом для нее была постель. Больше всего ей нравилось вставать на колени в кресле и, выгнув спину, медленно колыхать грудями. Павел тоже научился играть. Видя ее позу, он не торопился присоединяться к ней, а наоборот, искал себе какое-нибудь занятие, делая вид, что не замечает. Татьяна начинала тихо подвывать, всхлипывать, потом вдруг разражалась чудовищным матом.

Павел медленно раздевался, шел в душ, долго плескался там, а она уже орала во весь голос и со слезами на глазах молила его о пощаде. Когда он наконец входил в нее, делать ничего уже и не требовалось. Доведя себя до экстаза, она извивалась в судорогах всем своим дородным телом, и если бы Павел не обхватывал руками ее на редкость узкую талию, то и секунды не смог бы находиться в ней. Он уже понял, что Татьяна в сексе не любит слишком плотного контакта. И не возражал. Хотя иногда хотелось почувствовать под собой ее метущееся тело. Но она так дорожила своей независимостью, что даже в постели стремилась отстаивать ее. Длилась их близость недолго. Причем Татьяна совершенно не заботилась о его наслаждении. В любой момент могла прекратить их контакт и остальное доделывала рукой с абсолютно безразличным выражением усталого лица.

Павел находился в постоянном приподнято-сексуальном состоянии. Ничего подобного с ним раньше не было. Он отдавал себе отчет, что Татьяна не самая лучшая женщина из встречавшихся на его пути. Но раньше все было просто – секс вмещался в конкретные временные

рамки и не мешал остальной жизни. С Татьяной же он постоянно думал и хотел только одного – чтобы она в очередной раз спровоцировала его на близость.

Он не мог объяснить себе, любовь ли это. Но понимал, что способен сойти с ума, если вдруг закончится эта мучительная сексуальная пытка. Готов был выполнить любое желание, любую прихоть Татьяны. И она приказывала. Проматывала огромные деньги и при этом не произносила ни одного слова благодарности. В общении она была довольно грубой. Единственное ласкательное слово «котик» относилось ко всем без исключения мужчинам. Павел страдал от этого. Он, лишенный с детства семейного тепла, материнской ласки, отеческой заботы, стремился в женщинах обрести непознанную нежность. Павел не представлял себе, что сможет жить с женщиной, не соответствующей ни одному его требованию. Плюющей на его переживания и не желающей знать о его чувствах. Татьяну любило такое количество мужчин, что она перестала ощущать ценность этого чувства. Ей было достаточно, когда мужчина служил ей. Сама же она любила свой сценический образ. Как женщину, она себя оценивала довольно скромно, но как актрису – превозносила.

Павел страдал. Татьяна будоражила в нем забытые юношеские мечты. Жизнь за границей, казалось бы, навсегда перевоспитала его. А успех у женщин и привычка к комфорту сделали самоуверенным, ироничным и непостоянным. По ночам, когда Татьяна посапывала в спальне, наполняя ее удушливым перегаром, он, лежа на кожаном диване в холле, долго убеждал себя сбросить наваждение. Перечислял ее недостатки, не мог определить достоинства. То, что она прекрасная знаменитая актриса, его совершенно не волновало. Даже раздражало. Тогда в Прокопьевске, сидя в заплыванном семечками кинотеатре, он не считал ее актрисой. Во всех ролях она для него была просто любимой женщиной. А сейчас...

Павел начинал ненавидеть Татьяну. Она опошшила, перечеркнула его мечту. В той его жизни, в Прокопьевске, каждая вторая баба ругалась матом и по пьяни давала любому. Его собственная мать после гибели отца в шахте начала пить с его друзьями. Брала у них деньги. Блевала по утрам, когда он полусонный собирался в школу. Ее били, а он жалел, кидался с кулаками на мрачных тяжелых мужиков. Они от него отмахивались, а мать бросалась на их защиту. И только в кино он понимал, что есть на свете другие женщины. Лучшей из них была Татьяна.

Живя с ней, Павел впервые почувствовал себя бесконечно одиноким. Секс истреблял в нем мечту, чувство, радость. Стал всепоглощающим. Пугал, как долго не сбиваемая высокая температура. Но при этом Павел чувствовал себя потрясающим любовником. Татьяна умела вытянуть из мужчины максимум его сексуальных возможностей. Теперь было понятно, почему мрачный Маркелов приходил к ней в гримборную и хвастался своими юными девушками. Он просто не мог сбросить с себя ее чувственную власть.

Павел ревновал к Маркелову и ко всем, кого даже не знал. Ни одна женщина не вызывала в нем подобного чувства. Странно, но он всегда доверял подругам. Был уверен в своем превосходстве. С Татьяной было иначе. Даже если она ехала куда-нибудь в метро, он не мог сдержать своей ревности. Она не спрашивала о его предыдущей жизни, зато часто рассказывала о своей. Это утомляло обоих.

Кроме всего прочего, Павла выводило из себя постоянное бытовое пьянство. Для него самым неприятным было сопровождать Татьяну в ее поездках к подругам в район метро «Аэропорт». Там стояли киношные и писательские жилищные кооперативы. В них коротали жизнь бывшие звезды советского кино. Многие из них тихо спивались. Поминки и дни рождения у них чередовались почти регулярно. При этом произносились одни и те же тосты, только пожелания здоровья сменялись заунывной мольбой «чтоб земля была пухом». Татьяна в их компании чувствовала себя замечательно. Странно было наблюдать за этими людьми, многих из которых Павел помнил по известным фильмам. Они бродили по своим квартирам, заставленным антиквариатом или румынской мебелью в стиле «Людовик», потерянные, никому не нуж-

ные, в обнимку со своей прошедшей славой. Пили то, что принесут, закусывали картошкой. К Павлу относились с невероятным почтением. Титул графа был для них превыше всех полученных когда-то наград. Долго и скучно рассуждали о политике, и все поголовно боялись СПИДа.

Отекшие, с давно не крашенными сизыми буклями женщины вспоминали, как они крутили романы с умершими кинорежиссерами и по секрету рассказывали Павлу о прошлых сумасшествиях Татьяны.

Мужчины хвастались тем, что у них все еще «стоит». При этом, правда, жаловались на партнерш. Павел даже теоретически не мог представить себе женщин, способных лечь в койку с этими киномонстрами. Хотя многие из них и не скрывали своих бывших коротких связей с Татьяной.

Надо же, мечта, столько лет согревавшая его душу, обернулась урной, в которую не плюнул только редкий прохожий. При этом Павлу еще и завидовали.

Когда они ночью возвращались домой, Татьяна грустно доказывала Павлу, что он ее скоро бросит и ей снова придется заботиться о своем одиноком быте, о дочери, ни в грош ее не ставящей. Павел эту самую дочь ни разу не видел. Татьяна не желала приглашать его к себе в гости. Зато в его квартире чувствовала себя полной хозяйкой. С особым удовольствием она командовала женщиной, приходившей у него убираться. Та, в свою очередь, с каждым новым визитом поднимала таксу. Павел не спорил. Татьяна умудрялась всего за полчаса устроить фантастический бедлам. Иногда он не мог найти собственные брюки.

И все-таки это было счастье! В Татьяне сидел какой-то бес. Командовать им было бессмысленно. Возможно, именно поэтому она сумела завладеть мыслями провинциального юноши. Ведь смотрел же он фильмы с другими артистками. Ни одна из них не отпечаталась в памяти. Когда подобные спасительные размышления посещали Павла, он стряхивал с себя отрицательные эмоции и снова мечтал о служении этой женщине.

А Татьяна жила своей обычной жизнью. Репетиции, съемки, концерты. Иногда она отдавалась ему с особой страстью и заботой. И Павел подозревал, что наверняка в этот день она ему изменила. Допытываться было бессмысленно. Она признавалась сразу. Поэтому становилось непонятно – говорит правду или врет назло. В любом случае Павел ощущал, что он не единственный в ее жизни.

Этот угар продолжался всего неделю, а казалось, будто они живут вместе немыслимое количество дней. Павел перестал играть. Деньги таяли со скоростью света. Он понимал, что не может сесть за карточный стол. Нервная система разболталась. Впрочем, граф мог взять в долг любую сумму и поэтому не дергался. Каждое утро начиналось с яичницы, приготовленной Татьяной, и вопроса: «Когда я тебе надоем?» Дальше шли рассуждения о возрасте. Они были направлены на ответные признания Павла в том, что Татьяна вполне молода и прелестна. Полное вранье. Тело женщины всегда соответствует ее возрасту. И чем больше она уделяет ему внимания, тем явственнее оно заявляет об этом. Тело Татьяны было покрыто какой-то глянцево пленкой. Красные прожилки на бедрах, морщинки на щиколотках, выступающие косточки у больших пальцев на ногах говорили больше, чем ее подтянутые щеки. Но единственное место, не утратившее своей юной прелести, как ни странно, находилось между ее ног. Какая-то немыслимая по нежности кожа, с коротко подстриженными волосами без единой складки и морщинки, натянутая на выпирающий лобок, как на барабан, заставляла Павла забыть о ее возрасте, о всех тех, кто прикидал губами к этому месту и искал в нем наслаждения.

Только с Татьяной Павел впервые понял, что возраст женщины не имеет к сексу никакого отношения. Оказалось, оргазм – состояние души, а не тела. В этом Татьяне не было равных. Она всегда стремилась к полному удовлетворению своих желаний. И неважно, в чем они выражались. Такая женщина могла стать только актрисой. Все остальные сферы жизни не выдер-

жали бы ее напора. Любить актрису сложно. Она либо неудавшаяся женщина, либо миф. Что, в общем, одно и то же. Павел проходил с Татьяной самое высшее образование, придуманное жизнью. Свое знакомство с ней он мог сравнить с первым приездом за границу. Это было в Праге. Павел шел по Карлову мосту и не верил себе. Величие города, древность моста, чужие люди рождали в нем жуткое ощущение зависимости. Он мечтал раствориться в этом городе, в его домах, выйти однажды из высокого узкого подъезда с хозяйственной сумкой на Старую площадь, купить газету и заказать высокий стакан темного пива. Так и с Татьяной. Было бы хорошо однажды проснуться и знать, что ты женат на этой женщине всю свою жизнь.

О чем бы ни думал Павел, но вечером он покорно собирался на спектакль. Это было еще одно непредусмотренное действие в его любовной истории. К вечернему выступлению Татьяна готовилась целый день. Вернее, готовила всех окружающих. Во-первых, именно в этот день она начинала заболевать гриппом, во-вторых, ее партнеры только и мечтали устроить ей провал, в-третьих, в атмосфере чувствовались магнитные бури, ну а в-четвертых, у нее начиналась менструация. И все это должно было привести к отмене спектакля. Павел уже с утра звонил в театр и через каждый час, словно сводку из района боевых действий, передавал заведующей труппой скучную информацию о здоровье Татьяны. Самым смешным в этой бесконечно повторяющейся ситуации было то, что каждый раз все относились к капризам артистки, как к стихийному бедствию.

Вот и в этот день, предшествующий вечернему спектаклю, разразился скандал. Рано утром Татьяна вылетела из спальни с рыданиями. Ее разбудила муха! Павел неосторожно возразил, что, когда за окнами лежит снег, мух уже не бывает.

– Что?! – воскликнула Татьяна. – Выходит, я вру? Или у меня не все дома? Ты постоянно намекаешь на какие-то отклонения! Запомни, котик, раз я говорю про муху, значит, она была. Привык иметь дело со всякими поб... Им ты, конечно, рот закрываешь мгновенно. Со мной не получится! Как подло с твоей стороны. Знаешь ведь, что у меня сегодня спектакль. Мне нужен полный покой. Так ведь назло делаешь! Думаешь, не догадываюсь почему? О, не на такую дуру попал. У тебя одно желание, чтобы я плохо сыграла, чтобы все стали сплетничать о моем закате, и тогда, к твоей огромной радости, я не выдержу и уйду со сцены. Ты же этого хочешь? Ну, признайся, котик, найди в себе мужество. Хотя где там! Ты тряпка. У тебя, кроме роста, титула и денег, ничего нет. Да еще надо разобраться, какой ты граф. Тоже мне, голубая кровь! Я согласилась жить с тобой, надеясь обрести покой, мужское плечо, понимание. Где уж! У тебя одно в голове – трахать меня. А что творится в моей душе, тебя совершенно не волнует! Какая я несчастная. Почему вокруг все сволочи...

Павел мужественно молчал. На подобные дешевые провокации он уже не поддавался. Татьяна, с сигаретой в руке, отправилась в ванную, потом вернулась в холл и с презрением прошипела: «Я докажу тебе, котик» – и скрылась в спальне. Павел закрыл глаза, решив еще немного поспать. Но из приоткрытой двери послышался вопль Татьяны:

– Вот она, вот она.

Он нехотя встал с дивана и отправился в спальню.

На роскошной кровати, под зеленым балдахинном и приспущенным салатным тюлем, лежала обнаженная Татьяна, широко раскинув ноги. По ее ухоженным с идеальным педикюром пальцам действительно лениво ползала муха.

– Убей ее, – трагически прошептала Татьяна, как будто речь шла о мерзком насильнике.

Павел осторожно подошел к постели. Побоялся сразу ударить по ноге, а муха тем временем перелетела на Татьянин живот. Та задержалась всем телом. Муха не испугалась. Пришлось ее смахнуть. Она взлетела и села на драпировку балдахина. Павел залез на кровать. Изловчившись, он хлопнул руками и, потеряв равновесие, рухнул на постель рядом с Татьяной.

– Убил?! – кровожадно крикнула она.

Павел показал ладони. На одной из них в капельке крови оказалась расплюснутая муха.

– О, какой ты фантастический мужчина! – застонала Татьяна и полезла рукой ему в трусы. Этого было достаточно, чтобы он задрожал. Но, помня ее привычки, он сделал над собой титаническое усилие, встал и сказал, что должен вымыть руки.

– Черт с ними! Эта муха не заразная! – воспротивилась Татьяна и схватила его за ногу.

Но Павел довольно резко высвободился и вышел из спальни. Он не спеша умылся, почистил зубы. Даже собирался побриться, но передумал и вернулся к Татьяне. Она сидела на пуфике перед зеркалом. Все ее лицо было покрыто маской зеленовато-землистого цвета. Занималась она тем, что накладывала толстый слой крема на шею и плечи. Увидев в зеркале Павла, Татьяна приподнялась и приблизила лицо к самому зеркалу.

– Сядь на пуфик, а то мне низко, – приказала она. Павел повиновался, и Татьяна, широко раскинув ноги, уселась на него. После этого как ни в чем не бывало принялась снимать тампонами маску с лица. Потом, слегка ерзая по бедрам Павла, протерла лоб и щеки косметическим молочком и занялась подводкой глаз. Стоило Павлу сделать малейшее движение, как она возмущенно прикрикивала:

– Осторожно! Я же могу выколоть себе глаз!

Он замирал, а она продолжала заниматься макияжем. Павел уставился на баночки, стоявшие на малахитовом туалетном столике. Он боялся поднять глаза и увидеть в зеркале отражение Татьяны, сидящей на нем. Она же, в свою очередь, начала приподниматься и опускаться ему на колени. Испытывая немыслимый восторг, Павел все же рискнул взглянуть в зеркало. В нем он увидел по-клоунски размазанное лицо своей возлюбленной. При каждом новом приседании она наносила кисточкой жирную линию на веки, а потом мазала щеки румянами. Яркие, беспорядочно нанесенные краски придали ее лицу сексуально демонический вид. Глаза горели снедающей тело страстью. Ложбинка над верхней губой сверкала разноцветными капельками пота. Она впиалась глазами в собственное отражение и абсолютно забыла о присутствии Павла. Так продолжалось до тех пор, пока желание не подкинуло ее и мелкой судорогой не разлетелось по телу. Затяжное импульсивное блаженство долго не отпускало Татьяну. Павел понял, что нужно торопиться, пока она окончательно не пришла в себя. Но в тот самый момент, когда энергия вырвалась из него, Татьяна вскочила, подставила ладони под его извержение и быстро нанесла на лицо. Смотреть на это было уже невозможно.

Павел, еле переступая трясущимися ногами, с трудом дошел до кровати и лег. А Татьяна продолжила уход за лицом и при этом запела грудным спокойным голосом. Приведя себя в порядок, она подошла к лежащему с закрытыми глазами Павлу. Села рядом с ним, положила голову ему на грудь и задумчиво произнесла:

– Я тебя безумно люблю. Ты самый лучший мужчина на свете. Мне и не снилось такое счастье. Все остальные пигмеи. Как ты меня чувствуешь и понимаешь! Спасибо тебе, котик.

Павел погладил ее по волосам и ощутил, как душа его наполняется ликованием. Какой же он дурак, что сердится на Татьяну. Пусть она взбалмошная и непредсказуемая. Но он сумел ее завоевать. Другие женщины меркнут рядом с ней.

Странно, но скандалов в этот день больше не было. Не обошлось, конечно, без симуляций по поводу болей в животе. Два раза она звонила в театр и просила ее заменить, но если не учитывать этих мелочей, то к пяти часам вечера она наконец навела последний марафет и попросила отвезти ее в театр. Павел отправил ее на дежурившем под окнами такси, а сам решил пройтись пешком.

Спектакль шел, как всегда, с большим успехом. Зрители встречали аплодисментами каждый выход Татьяны. Павлу было невыносимо скучно. На сцене говорили какие-то глупости. Два артиста спорили между собой о том, кто будет спать с провинциальной вдовой, которую играла Татьяна, а она от них закрывалась в ванной и выходила оттуда все в новых и новых экстравагантных нарядах. Короче, муть лиловая.

Павел ждал, когда в ложе появится Стасик и принесет шампанское. Юноша с нескрываемым вождением смотрел на Павла и готов был прислуживать ему во всем. Он не заставил себя долго ждать. Но пришел без шампанского. Приложив палец к губам, знаками вызвал Павла из ложи.

– Может, ты меня убьешь, – начал он шепотом. – Но я не могу больше мучиться из-за тебя. Помнишь, когда мы познакомились, я предупреждал тебя о Татьяне. Не стоит она твоей любви. Грязная она, как и все бабы.

Павел не мог позволить произносить такие слова. Он схватил его за волосы, сжал их в кулак и подтянул к своим глазам. Стасик, взвизгнув, привстал аж на цыпочки.

– Если ты еще когда-нибудь посмеешь говорить о Татьяне в таком тоне, я тебя заставлю съесть собственные голубые яйца, – и после этой угрозы отпустил притихшего парня.

Но только Стасик ощутил под собой пол, как схватил Павла за руку и потащил за собой.

– Идем, сам увидишь. Я не хотел тебе показывать. Но лучше знать правду.

Павел нехотя последовал за ним. Они поднялись по лестницам на самую галерку и через низкую дверь с указателем – «Вход воспрещен» попали за кулисы на мостки с перилами, идущими по периметру всей сцены. Стасик объяснил, что раньше, когда не было автоматического поднятия кулис и ставок, рабочие сцены вручную, при помощи канатов и грузил поднимали по мосткам все тяжести.

– Нашел время проводить экскурсию, – проворчал Павел, но с интересом посмотрел вниз, где светлым пятном обозначилась сцена. По ней ходила Татьяна и что-то говорила партнерам.

– Сейчас все увидишь сам, – заверил его Стасик. Он повел его по скрипучим доскам, и они обошли сцену.

Павел увидел изнанку декораций. Стены из материи слегка просвечивались. Их поддерживали деревянные углы, прикрепленные к сцене. Возле одной двери, которая, как предполагалось, вела в ванную комнату, куда так часто пряталась Татьяна, из черных бархатных ставок был сооружен кабинет, в котором, очевидно, она переодевалась. Там стоял столик с зеркалом и двумя лампочками, стул и круглая вешалка с ее костюмами. Павел удивился тому, что Стасик, будучи «голубым», подглядывает с этой верхотуры за переодеваниями Татьяны.

– Зачем тебе это зрелище? – прошептал он.

– Еще чего! Мы здесь по другому поводу. Стой и жди.

В этот момент Татьяна выскочила со сцены через дверь и, плотно прикрыв ее, бросилась в кабинет, где быстро сбросила с себя одежду и натянула новую. При этом она громко пела, чтобы ее было слышно в зрительном зале. Павел с интересом наблюдал, как она переодевается. Это было намного интереснее, чем глядеть из ложи. Но когда она снова вернулась на сцену, развернулся и сказал Стасику:

– С меня хватит, на это я и дома могу посмотреть.

– погоди. Помнишь то место в спектакле, когда она делает вид, что занимается в ванной любовью с одним из этих болванов?

– Что-то помню. Она там постановывает чересчур театрально.

– Вот-вот. Наберись терпения.

Эти слова мгновенно заронили в душу Павла страшные подозрения. Он заволновался. Задержался. Косо поглядывал на Стасика и старался убедить себя, что юноша наслушался каких-нибудь очередных сплетен. Но ничего не мог с собой поделать и до боли в глазах всматривался в черный четырехугольник внизу. И вдруг заметил, как в него быстро вошел какой-то мужчина.

Павел перегнулся через перила, словно хотел прыгнуть прямо на плечи вошедшему. Стасик на всякий случай схватил его за фалды клубного пиджака.

Дальше произошло немыслимое. Татьяна юркнула со сцены в дверь, прикрыла ее и направилась в выгородку. Там ее поджидал парень, лицо которого сверху разглядеть было невозможно. Он помог ей раздеться и, пока она гляделась в зеркало, поправляя прическу, пристроился сзади и сильными толчками заставил ее визжать и кричать.

В зрительном зале раздался хохот. А Павел с ужасом вспомнил, что именно сегодня она отдавалась ему возле трюмо. В глазах у него потемнело. Значит, утром была всего лишь репетиция? Он отпрянул от перил и, прижавшись спиной к стене, потребовал:

– Веди меня вниз...

– Нельзя! Там ведь идет спектакль! – испуганно прошептал Стасик.

– Веди! Иначе спущусь без лестницы!

Стасик понял, что Павел не шутит, и послушно повел его вниз. Они спустились довольно быстро. Оттолкнув юношу, Павел бросился к черной выгородке. Влетел туда в тот момент, когда крепкий, с бычьей шеей парень застегивал брюки. Татьяна возилась с молнией на платье. Одной рукой Павел разорвал платье от декольте до самого пояса. А второй резко толкнул озадаченного его появлением любовника. Тот лишь слегка покачнулся и, не задумываясь, ответил сильным, но неточным ударом. Павел развернулся к нему. Не обращая внимания на крики Татьяны, бросился в атаку. Но не тут-то было. Противник принял боксерскую стойку и защитился от прямого удара. При этом сам сумел нанести встречный, скользящий Павлу по челюсти. Граф понял, что перед ним не сопливый мальчишка и следует переходить на профессиональный язык. Черный пояс карате, полученный им два года назад в Японии, давал эту возможность. Еще мгновение, и он в прыжке взлетел с места и обрушил удар ногой на удачно заблокировавшегося парня. Противник отлетел в сторону, и выгородка, в которой они сцепились, развалилась, словно картонный домик. Теперь появилась возможность развернуться по-настоящему. Парень оказался приличным кикбоксером. Двумя махами ног он заставил Павла отступить и перешел в атаку. Огромные кулаки просвистели в воздухе рядом с головой. В ответ Павел резко подсек его и ударил локтем в солнечное сплетение. Противник, теряя равновесие, молотил воздух руками, но, зацепившись за стойку декорации, удержался от падения. Тяжело, прерывисто дыша, он рванулся снова к Павлу. Матерчатый щит, обозначавший стенку особняка, рухнул, и изумленные зрители, и так уже встревоженные шумом за сценой, увидели захватывающее зрелище – драку с использованием всех видов рукопашного боя. Один из актеров бросился разнимать дерущихся, но тут же был отброшен в сторону и заорал не то от боли, не то от испуга. Павел пошел в новую атаку. Он понял, что в данной ситуации придется биться до конца. Злость и уверенность толкали вперед. Его противник был на голову ниже. Но широк и мощен в плечах. На бычьей накачанной шее крепко сидела стриженная голова с решительными крупными скулами, перебитым носом и налитыми кровью глазами. Такой не уступит и спиной не повернется. Но был слишком тяжел, чтобы соревноваться в резвости и скорости с Павлом. Зато потрясающе держал удар. Его необходимо было измотать. А для этого пришлось расширять пространство. Не замечая ничего вокруг, стремясь подловить противника на встречном движении, они кружили друг перед другом и постепенно переместились на сцену, где был большой простор для действий.

Обалдевший помреж хотел дать занавес, но примчавшийся вечерний администратор схватил его за руку.

– Не смей! Чем больше свидетелей, тем лучше. Я пошел за милицией.

Павел начал очередную атаку и сумел обмануть кикбоксера. Удар ногой по почкам заставил того упасть на колени. Оставалось нанести еще один удар и добить противника. Но в этот момент на сцене появилось трое парней в кожаных куртках. В руках у них были автоматически выскакивающие железные дубинки.

– Воркута, мы здесь! – крикнул кто-то из них, и они быстро окружили Павла. Он резкими прыжками постарался добраться до портала, чтобы защитить спину. Его противник окле-

мался и наблюдал за дружками, загоняющими Павла, как волка. Он ждал, когда сможет нанести последний удар.

И тут из зала на сцену поднялись двое прилично одетых мужчин. Они небрежно расстегнули свои двубортные пиджаки, и никто из парней с дубинками даже пикнуть не успел, как оказались лежащими на покрытых половиком досках сцены. Павел, обрадованный неожиданной подмогой, бросился на своего противника. Но закончить драку им не удалось. Из-за кулис с автоматами в руках и черными шерстяными масками на лицах появились омовцы. Быстро уложили всех участников драки на пол, рядом с приходившими в себя парнями, и приказали закрыть занавес.

Зрители молча потянулись к выходу и только в фойе принялись возбужденно обсуждать происшествие. Ни один человек не заикнулся о продолжении спектакля, и гардероб быстро опустел.

А на сцене началось разбирательство. Из всех кулис торчали головы работников театра. Первыми омовцы увели парней в куртках. Обыск Павла и его противника ничего не дал. Оружия при них не было. Зато двое других участников драки в двубортных костюмах оказались вооруженными. Наручники мгновенно защелкнулись на их руках, и, подталкиваемые автоматами, они были отведены для дачи показаний в кабинет директора театра. После этого Павлу и Воркуте также нацепили наручники и оставили их сидеть на сцене.

Беззлобно врезав обоим пару раз по шее, омовцы удалились. С задержанными остались милиционеры в ожидании команды сопроводить их в отделение милиции. Произошла какая-то заминка, в результате которой за ними долго никто не приходил. Наконец Павла и Воркуту провели к служебному входу. Там уже стояли те двое в двубортных пиджаках.

Неизвестно откуда взявшийся капитан милиции заставил встать всех четверых к стене, приказал выводить по одному и сажать в «газики».

В узком пространстве ментовской машины Павел оказался напротив мрачно пыхтящего Воркуты. Дверь захлопнулась, и их повезли в отделение.

– Сука, мне только в ментовку сейчас не хватает! – угрюмо ругнулся Воркута.

– Мне тоже нет резона, – согласился Павел.

– Что ж ты, падла, натворил?

– А ты?

– Она меня сама пригласила.

– Когда?

– Спектаклей двадцать уже.

– А ты?

– А мне что? Какая разница, где. Ах, черт, какая лажа. Так загреметь!

– Ладно, не дрейфь. Проехали. Залезь-ка ко мне в левый карман пальто.

– Что там?

– Да лезь. Не тани время.

Воркута с трудом проник пальцами в карман и нащупал там связку ключей. С изумлением вытащил их.

– Откуда?

– Какая тебе разница? Давай открывай.

Воркута лихорадочно принялся подбирать ключ. Наконец, освободил руки Павла. Тот быстро справился и с его наручниками. После этого Воркута жестом приказал молчать и крикнул милиционерам, сидящим за решетчатым окном.

– Эй, начальник, глуши мотор. У тебя тут клиент помер.

Шофер ударил по тормозам. Через минуту двое сержантов открыли дверь и один из них заглянул внутрь. Резким ударом он был отброшен от машины, и оба задержанных выскочили на асфальт. Второй страж схватился за пистолет, но не успел им воспользоваться. Павел и

Воркута рванули в ближайшую подворотню. Там они, перескочив через забор, оказались во дворе с выходом на другую улицу и без всяких прощаний разошлись в разные стороны.

Дома Павел обнаружил заплаканную Татьяну. Она сидела на кухне, пила водку и кому-то жаловалась по радиотелефону. Он остановился в дверях. Она его не видела. Павел не знал, с чего начать. Поэтому стоял и слушал.

– Представляешь, какой ужас! Мне ведь теперь невозможно появиться в театре! Да... да... да... Какая гордость?! Поклонники подрались. Но я-то здесь при чем? Один дурак зашел, когда я переодевалась, другой влетел за ним с кулаками. Почему у нас в театре нет охраны? Кто отвечает за безопасность актеров? Бедному Родiku сломали ребро. У меня нервный срыв. Что? Не знаю, наверное, посадят. Но скорее всего откупится. Да, у него... Не боюсь. Я перед ним ни в чем не виновата. Если он начнет лупить всех моих поклонников, то по Москве ходить будет опасно. Дерется здорово, я и не ожидала. Ничего себе зрелище! Вот что нужно сегодняшнему зрителю. Да... да... Сидели как замороженные, чуть не аплодировали. А мы перед ними комедию ломаем. Правильно, нужно разогнать артистов, взять двух бугаев, и пусть друг другу кости ломают. Ах... не знаю. Сажу вот у него. Страдаю... Да пойми, я же его люблю. Ну и что? Откуда мне знать, почему этот debil пробрался в мою переодевалку. Нет, конечно, я была уже одета. Что там у меня воровать... Короче, ужас. Пусть отменяют спектакли. У меня нервный стресс. Реклама мне? Ничего себе реклама! Американские продюсеры были на спектакле? А почему мне никто ничего не сказал? С такой дракой мы на Бродвее устроим шорох. А без драки не хотят? Значит, сам спектакль их не волнует? Хорошо, если Павел когда-нибудь вернется, я его попрошу повторить...

– Я вернулся, – спокойно вмешался Павел. Трубка чуть не выпала из рук Татьяны. Она с ужасом посмотрела на него своими глубоко посаженными широко раскрытыми глазами.

– Ты? – прошептала она. – Боже, какое счастье! – и бросилась к нему на шею.

Павел стоял не шелохнувшись.

– Как я испугалась!.. Дурачок, такое устроить! Тебя отпустили из милиции? Откупился? Ну, расскажи... умоляю тебя. Котик мой, как я тебя люблю.

В ответ Павел чуть не ударил ее. Но сдержался. Освободился от объятий, сел за стол, налил себе водки, выпил.

– Откупился? – повторила Татьяна.

– Нет. Убежал.

– Как?!

– Ногами. Вместе с твоим любовником Воркутой.

– Каким Воркутой? – искренно удивилась Татьяна.

– Каким? Который тебя трахал там за загородкой!

– Не смей меня оскорблять! Какое ты имеешь право говорить мне такие гадости? Только человек с большим воображением может до такого додуматься. Приписывать мне какого-то Воркуту. Откуда мне знать, как зовут этого подонка? Я его видела первый раз в своей жизни. И, надеюсь, последний.

У Павла от возмущения перехватило дыхание. Если бы он не видел своими глазами всего, что происходило в черных загородках, он с легкостью позволил бы себя обмануть. Татьяна подошла сзади и стала целовать его шею, ухо и при этом шептать:

– Глупости, какие глупости... Разве после такого мужчины, как ты, можно думать о другом? Дурачок. Ты у меня единственный и самый лучший. Ну, скажи, зачем мне жить с тобой просто так? У меня своя замечательная квартира. Денег мне вполне хватает. С мужиками тоже нет проблем. К чему такая безумная ревность? Ну, зашел случайно какой-то дурак во время спектакля. Ну а я-то здесь при чем? Такую драку устроил. Не мог его побить после спектакля.

Ты же мне карьеру перечеркнул! На всю Москву шум устроил. А я вернулась сюда. Ждать тебя и мучиться...

Павлу стало казаться, что действительно ничего не было. Руки Татьяны уже ласкали его тело, усталость свинцово разлилась по всем членам. Водка подействовала непривычно быстро. Но, встряхнув головой, он все-таки резко встал и развернулся к Татьяне. Она смотрела на него влюбленными доверчивыми глазами. Так, как когда-то смотрела в заплеванный зал кинотеатра в Прокопьевске.

– Не ври, – устало и без ненависти произнес Павел. – Меня Стасик провел по мосткам как раз к тому месту, где сверху видно все, что происходит в твоей переодевалке.

– Подонок... – печально произнесла Татьяна и села за стол. Налила себе водки, выпила и снова подняла на него глаза, полные слез. – Не знаю, что ты там видел, но у меня с этим парнем ничего не было.

Этим признанием она совсем сбила Павла с панталыку. Он вдруг понял дальнейшую бессмысленность их разговора. На любое его обвинение она будет отвечать обидой и враньем. Оставалось одно – взять ее за волосы и вышвырнуть на лестничную клетку. Но на это у него не было сил. В таком случае, пусть остается? Ведь она вернулась к нему... Было от чего расстроиться. Павел теперь больше ненавидел Стасика, потащившего его на эти гадские мостки.

Татьяна тихо всхлипывала и казалась ужасно несчастной, одинокой, всеми покинутой. Павел не смог подавить в себе жалость. Он подошел к ней и дрожащей рукой погладил по волосам. Она схватила эту руку и покрыла ее благодарными поцелуями. У Павла что-то обвалилось внутри. Он понял, что не готов потерять Татьяну. Поэтому проще ей поверить.

– У тебя не будет неприятностей? – сквозь слезы спросила она.

– Вряд ли. Документов при себе у меня не было. Посижу немного дома.

– Можно, я побуду с тобой? Мне теперь в театре тоже появляться не следует... Давай отключим телефоны и устроим медовый месяц?

Павел ничего не ответил. Она встала и молча повела его в спальню. На этот раз ему не пришлось прикидываться безразличным. Татьяна впервые думала только о нем. И он был счастлив. Мрачный Воркута, пыльные кулисы, перипетии драки и побега уплыли куда-то в потемки памяти, как обрывки тяжелого сна.

А тем временем в другом конце города на Таганке в отдельном кабинете одного из многочисленных ресторанчиков шел не менее крутой разговор. Трое солидных пожилых мужчин допрашивали Воркуту. Он сидел, набычившись, и отвечал односложно. Больше других возмущался толстый лысый господин со шрамом от уха до подбородка:

– Тебе что было поручено?! Нет, повтори. Может, тебя послали трахать по углам артисток? Тогда мы должны тебе заплатить. За каждую палку отдельно!

– Кривой, да успокойся ты. Он же не дурак, все понимает, – пытался смягчить гнев лысого представительный мужик, похожий на министерского служащего.

– Ты, Петр Семенович, в наши дела не лезь. Я поручил ему ответственнойшее задание – обложить Дрессира. Держать его под колпаком, а он вместо этого стал трахать его любовницу. Так ежели б по делу, кто ж против? Но теперь-то полностью засветились. Еще неизвестно, как он из ментовской машины слинял. Не нравится мне этот граф.

– Графа не трожь. Он в порядке. А то, что драку устроил, понятно. Кому приятно, когда твою бабу трахают.

– Я не трахал, – проворчал Воркута.

– Заткнись! – цыкнул на него Кривой. – Что будем делать? Маркелов вернется в Москву и сразу узнает о драке в театре.

Петр Семенович явно не желал нагнетать атмосферу и, немного подумав, предложил:

– В каждой ошибке есть начало новых возможностей. Раз уж так произошло, пусть Воркута войдет в контакт с графом. Они теперь вроде как молочные братья. Думаю, сумеют помириться. И начнем потихоньку работать через графа. Он крутится везде и наверняка будет нам полезен.

– Понял? – обратился Кривой к Воркуте.

– Понял. Лучше бы решили его замочить. Вернее было бы.

– Ну, это уж, голубчик, не тебе решать, – возмутился Петр Семенович.

Все трое посмотрели на четвертого участника разговора, не сказавшего ни одного слова. Тот молча кивнул головой в знак согласия.

Глава четвертая

Маркелов возвращался в Москву с противоречивыми мыслями. Он так и не дал окончательного согласия Апостолосу. Слишком велик был риск. Из Греции подобные авантюры, очевидно, кажутся детскими играми. На Западе не понимают, что при всем бардаке, творящемся в России, со стороны ФСК и МВД идет жесткий контроль за каждой более или менее крупной сделкой, за передвижениями известных бизнесменов, за оборотом капитала. Поэтому провал операции равносителен подписанию смертного приговора. Стоит ли влезать в это дело? Маркелов давно перешел на легальный бизнес и любые трения с законом воспринимал болезненно. Хотя, конечно, был вынужден постоянно искать обходные пути.

Но с другой стороны, предложение Апостолоса завораживало своей масштабностью, размахом и огромными прибылями. С такими деньгами даже в Америке можно начать собственный строительный бизнес и навсегда забыть постылую родину с ее лагерной начинкой. Маркелову было над чем ломать голову. Он даже не заметил, как самолет приземлился в аэропорту Шереметьево. Лавр терпеливо ждал его у левого выхода.

– С благополучным возвращением, хозяин, – улыбаясь, приветствовал его верный друг.

– Да, Лавр, та еще поездочка! – проворчал Маркелов и в окружении возникших по бокам охранников поспешил сесть в подъехавший к стеклянным дверям черный «мерседес». Расположился на заднем сиденье в центре. Рядом с водителем устроился Лавр. Машина резко набрала скорость и выскочила на шоссе, ведущее к Москве. Тут же следом за ними последовал тяжелый «ниссан-потрол». Водитель «мерседеса» по приказанию Лавра попытался оторваться от подозрительного преследователя. Но внедорожник тоже прибавил скорость и постепенно начал сокращать расстояние.

– Пропусти его, – приказал Лавр шоферу. Тот послушно освободил левый ряд.

И вдруг из поравнявшегося с их машиной внедорожника раздалась короткая автоматная очередь. Охранники накрыли своими телами Маркелова. Шофер, получив ранение в плечо, сбросил газ и резко затормозил. Лавр ударился головой о лобовое стекло. Из капота повалил белый пар. «Ниссан-потрол», проехав метров тридцать, тоже замер у обочины. Лавр повернулся к Маркелову.

– Порядок, хозяин?

– Да, – с трудом прохрипел Маркелов. У него от испуга перехватило судорогою горло.

– Выходим из машины, – приказал Лавр. – Я отведу хозяина в безопасное место, а вы прикроете нас. Стрелять на поражение.

– Погоди, – просипел Маркелов. В его ошеломленном сознании промелькнула пронзительная мысль, объяснявшая происшедшее.

– Набери Грецию. Телефон Яниса, – обратился он к Лавру.

– Какая Греция? Рвать надо! – воспротивился тот.

– Набирай, говорю!

Лавр судорожно схватил сотовый телефон и, с силой тыча пальцем, набрал отпечатавшийся в памяти номер. В трубке без промедления раздался ленивый голос Яниса, спросившего «кто звонит?» на чисто русском языке.

Маркелов вырвал трубку из рук Лавра.

– Янис, это Маркелов!

– С благополучным приземлением, Дрессир! – послышался в ответ напряженный голос бывшего сокамерника.

– Я принял решение. Передай господину Ликидису мое согласие.

– Очень рад! – прогремел на весь салон голос Яниса. – Приятной дороги до дома!

В трубке слышались короткие звонки. Лавр с недоумением посмотрел на Маркелова. Тот в ответ кисло улыбнулся и кивнул головой в направлении внедорожника. Буквально через две минуты «ниссан-потрол» мигнул габаритами и медленно исчез в сгущающихся сумерках. Лавр не задал ни одного вопроса. Он вызвал по телефону другую машину и «Скорую помощь» с обслуживающей его подстанции.

Но раньше них приехала милиция. Лавр вышел и долго что-то объяснял ментам. Они получили сведения о разборке и не очень активно хотели вешать на себя это происшествие. Поэтому, после солидной пачки долларов и заверений пострадавших, что у них претензий нет, менты покрутились и уехали, предварительно посоветовав собрать гильзы.

Пересев в подкатившую «вольво», Маркелов попросил отвезти его в санаторий «Подмосковье». Там в филиале бывшего санатория ЦК «Барвиха» он арендовал апартаменты для себя и еще два номера – один для охраны, другой для Лавра.

Ехали молча. Каждый по-своему переживал внезапное нападение. Маркелов не сомневался, что Янис получил приказ уничтожить его в случае отказа. Но почему он так поторопился? Судя по всему, Апостолос очень нервничает. В конце концов, Маркелов и без автоматных очередей согласился бы участвовать в сделке. Но теперь ему известен нрав новых партнеров. Придется увеличить охрану и быть чрезвычайно осторожным. На Янисе Маркелов мысленно поставил крест. Как бы дальше ни повернулись их отношения, одна из пуль в обойме ТТ, спокойно лежавшего сейчас на коленях Лавра, предназначена бывшему сокамернику. Довольный принятым решением, он посмотрел через стекло на полутемные московские улицы. На их грязные мостовые и тротуары валил густой крупный мокрый снег. Трудно было представить, что еще несколько часов назад он шурился от солнца, вдыхая соленый воздух приморского берега. Они въехали на охраняемую территорию пансионата. Миновали знак «Проезд запрещен» и направились прямо к небольшому барскому дому времен русского классицизма.

Это заповедное место высокопоставленные партийные бонзы приспособили для отдыха наиболее уважаемых и престарелых членов партии. Теперь ими здесь и не пахло. Зато сервис и комфорт остались на высоте. В этом доме, внутри отделанном мрамором, дубом и бронзой, Маркелову нравилось сочетание сталинской помпезности со всеми удобствами современных пятизвездочных отелей. Он вошел в свои апартаменты, состоящие из трех комнат, сбросил мокрые летние туфли и протянул ноги к электрическому камину. От влажных носков пошел пар.

Лавр налил в стаканы виски и, бросив лед, предложил выпить.

Маркелов пил мелкими глотками. Не глядя на Лавра, посвящал его во все подробности греческого проекта. Лавр слушал, не перебивая. Он вообще редко задавал вопросы. Но по напряжению, с которым замерла его рука, сжимающая стакан, Маркелов понял, что проект сразу захватил воображение помощника.

– Хозяин, так это же фантастические деньги! Или я полный фраер... – воскликнул он и постарался заглянуть в глаза Маркелову, чтобы понять его отношение к рассказанному.

– Сегодня нас обстреляли наши будущие партнеры, – в заключение сообщил Маркелов.

– Их можно понять. Слишком крупная игра. Но прощать такое западло, – без возмущения констатировал Лавр.

– Значит, ввязываемся?

– А чего тут думать?

– Риск велик...

– Разве это риск? – Лавр налил еще виски. – Есть будем? Позвоню, чтобы накрывали.

– Пусть принесут в номер, – распорядился Маркелов и задумчиво продолжил: – Раз ты такой азартный, возьмишь на себя всю подготовку. Я ни о чем не желаю знать. Мое дело построить звероферму. А что там будет под ней – твоя забота. Начинай подыскивать людей, связан-

ных с Брянщиной. Депутатов каких-нибудь, денег не жалея, только чтобы народ не болтливый был. Затыкай им рот накрепко.

Он подошел к окну. Снегопад закончился. Снег шапками лежал на кустах, и они торчали из земли, словно мохнатые белые хризантемы. Как это все непохоже на Грецию... Маркелов задумчиво рассматривал внутренний дворик, освещенный слабым светом залепленных снегом фонарей, и, не отрываясь от ласкающего глаз пейзажа, неожиданно перескочил совсем на другую тему.

– Как поживает Ксана?

– Корзину цветов от тебя вынесли, – уклончиво ответил Лавр.

– И?

– И все.

– А моя просьба проконтролировать?

– Чего там контролировать! Уехала на «хонде» с каким-то сопляком...

Маркелов отошел от окна. Сел в глубокое велюровое кресло и прикрыл глаза. Лавр молча ждал его реакции.

– В театр больше денег не переводить. Потанцевала и хватит. Что еще интересенького в Москве?

Лавр не успел ответить, потому что открылась дверь, и на столике-тележке официантка ввезла обед. Она быстро и бесшумно сервировала овальный стол, накрыв его темно-зеленой скатертью и поставив красивый немецкий сервиз. Традиционные закуски, состоявшие из икры, рыбы, мяса, жульенов, овощей и котлет по-киевски, манили своей вызывающей свежестью. Как только официантка, пожелав приятного аппетита, выпорхнула из номера, Маркелов и Лавр молча, точно хищники, настигнувшие добычу, набросились на еду. На их зверском аппетите сказалось нервное напряжение последних часов.

Наконец, переведя дух и запив осетрину белым французским вином, Лавр с удовольствием поведал Маркелову о скандале, происшедшем в Татьянинном театре. Маркелов слушал внимательно, без видимого интереса, но впитывал каждое слово.

– И граф сидит? – спросил он.

– Нет. Говорят, он умудрился в ментовской машине снять наручники и сбежать.

– С его руками неудивительно, – одобрительно заметил Маркелов. Он относился к графу как к фраеру. Но довольно снисходительно, впрочем, как и многие деловые люди столицы. – Надо же, граф умеет драться? Карате? Надеюсь, после этого порвал с Татьяной? Ох, бедный граф, он-то возомнил себя покорителем. На меня поглядывал свысока. Смотри-ка, годы идут, а Танька не меняется... У нее, должно быть, неприятности?

– Не знаю. В театре не показывается, – пожал плечами Лавр.

– А ты разузнай-ка, куда она делась. Есть у меня для нее одно заманчивое предложение, – Маркелов при этом потянулся и зажмурил глаза. Ему явно нравилась унижительная ситуация, в которой очутилась бывшая возлюбленная. Впрочем, почему бывшая? Маркелов никогда не признавался себе, но все его близкое окружение знало о незатягивающейся ране, нанесенной безжалостной рукой Татьяны. Лавр тактично обходил эту тему. Ему давно надоело выслушивать редкие, но длинные исповеди подвыпившего хозяина. Поэтому он засобирался в свой номер. Маркелов его не удерживал. Он впал в грустную сентиментальную задумчивость.

Через два дня состоялась его встреча с Татьяной. Неподалеку от офиса Маркелова, расположившегося в трехэтажном особняке на Петровском бульваре, был маленький с неприметным входом ресторанчик. Поначалу в нем был актерский клуб Малого театра. Но недолго артисты там гужевались, финансовые трудности заставили продать его другим хозяевам. В память об актерском прошлом на дощатых стенах ресторана остались висеть портреты и фотографии корифеев русской сцены. На втором этаже этого уютного, скромного и дорогого ресторана, куда

гости приезжали только после телефонного заказа, расположились два маленьких ресторанных кабинета. В один из них скромно заглянула Татьяна. Маркелов был уже там и разговаривал по радиотелефону. Жестом он пригласил Татьяну войти. Официант тут же принес серебряное ведерко с двумя бутылками шампанского во льду и разрезанный ананас.

Татьяна царственным кивком головы позволила ему наполнить бокал и, не снимая песцового жакета, села на стул, закинув ногу на ногу. Маркелов продолжал:

– Шоу-круиз должен быть самым крутым! Конкурс будут транслировать на все страны Европы. Корабль дает греческая сторона. Неужели будем на наших галошах шлепать по Средиземному морю? Нет, ни за что! Никаких «Шота Руставели». Придется пересмотреть графики. Это международный конкурс. Самая большая реклама нашему бизнесу. Будет поддержка правительства, будет!

Он выключил телефон и весело посмотрел на Татьяну.

– Купил землю в Греции? – вместо приветствия спросила Татьяна.

– Зачем? – не понял Маркелов.

– Ты же хотел виллу строить там.

– Передумал. Лучше приобрету небольшой остров в Карибском море.

– Хочешь мне его подарить? – насмешливо спросила Татьяна.

– Почему бы и нет? Но до острова еще нужно доплыть... – с загадочной улыбкой ответил Маркелов. Он каждый раз попадал в ребяческую зависимость от требований Татьяны. Чем откровеннее она его унижала, тем с большим наслаждением ему хотелось бросать к ее ногам роскошные подарки. Он издевался над ней с помощью своего богатства. И что бы ни болтала Татьяна, какие бы гадости про него ни рассказывала, каких бы любовников ни имела, Маркелов был уверен, что она, в сущности, принадлежит ему. Татьяна это и не отрицала. Он решил не напоминать о случившемся в театре, хотя было бы приятно помучить ее легким презрением, которого она, несомненно, достойна. Поэтому начал с предложения.

– Мой греческий партнер хочет устроить шоу-круиз европейского уровня. Соберутся только самые крутые наши бизнесмены. Будет организовано нечто вроде симпозиума. А для молодых да ранних – школа бизнеса. Главным событием станет европейский конкурс супермоделей. Все права на эксклюзивный показ за нами и организация тоже. Это будет фантастический круиз. Придется вложить в него огромные деньги.

– Я уже не потяну на супермодель, – попивая шампанское, призналась Татьяна. – В постели фору им еще дам, а вот на подиуме – вряд ли. Жопа подвисает.

Маркелов рассмеялся неприятным кашляющим смехом. Он потрепал ее по широкой, напоминающей клешню, руке и подмигнул:

– Ошибаешься. С девушками соревноваться глупо. Я хочу предложить тебе стать президентом этого шоу-круиза и председателем жюри конкурса!

Глаза Татьяны сверкнули алчным блеском. Верхняя губа дрогнула, и ложбинка над нею покрылась капельками пота. Она неторопливо закурила, выпустила длинную струйку дыма и, стараясь оставаться насмешливой и независимой, уточнила:

– Не врешь?

– Ты же знаешь, тебе – никогда...

– Значит, потребуешь расплату. Какую?

– Подумай.

– А чего думать, котик? – криво усмехнулась Татьяна и распахнула песцовый жакет. – Хочешь прямо здесь?

Маркелов посмотрел на ее холеную шею, на белоснежно гляцевую кожу груди, свободно болтающейся под глубоким декольте вишневого вязаного платья, и элегантно запахнул меха.

– Обьедки с графского стола прошу не предлагать.

– Что ж с меня можно еще взять? – искренне удивилась Татьяна.

Маркелов не ответил. Он закурил «Ротманз», кликнул официанта, чтобы тот принес виски и загадочно уставился на Татьяну. Она смутилась.

– Тебе уже наверняка рассказали о моих неприятностях в театре. Я там не бываю... – неохотно начала она. – Этот граф полный кретин. Устроить драку во время спектакля! Такого за все существование театра не было. Тоже мне, Отелло! Какой-то мудак совершенно случайно забрел, когда я переодевалась. Ну и что? Разве это повод для срыва спектакля?

– Значит, граф любит тебя, – предположил Маркелов и неестественно громко вздохнул при этом.

– Любит, – согласилась Татьяна. – А что толку? Любовь мужчины – всего лишь его прихоть. Как меня можно не любить? Любой из вас тешит свое говенное тщеславие. Как же, трахает знаменитую артистку! Вокруг все завидуют. Потом всю жизнь будете хвастаться, что сама Татьяна N делала вам минет...

Она прервала свой обличительный монолог, потому что в кабинет вошел официант с бутылкой виски и легкой закуской.

– Может быть, Илья Сергеевич, вы у нас пообедаете?

– Погоди, тут серьезный разговор. Иди к черту.

Официант мгновенно удалился. А Маркелов налил виски, бросил кусок льда и сделал несколько глотков. Выдержав паузу, чтобы подчеркнуть важность и значительность момента, он спокойно и твердо произнес:

– Я хочу, чтобы ты вернулась ко мне.

– С ума сошел? – выпалила Татьяна и, спохватившись, виновато замолчала. Потом решила исправить невольную бестактность. – Зачем я тебе? Ты в полном порядке, такие девушки вокруг. Вон, говорят, Ксана пользуется успехом. Мужчинам в твоем возрасте следует увлекаться нимфетками. Молодые девки будоражат затухающую потенцию. Какой смысл со старой кошелкой начинать все сначала?

Маркелов налил себе еще виски и снова закурил. Он терялся перед откровениями Татьяны. Ее грубость и цинизм обезоруживали его, человека, прошедшего допросы, зону, жесткие разборки и вокзальных проституток.

– О мужчинах в возрасте у тебя примитивные представления. Они делятся на две категории. Те, которые с юности активно занимались бабами, с годами становятся все более избирательными. А другие, у которых в молодости возникали проблемы с этим делом, чувствуя, что жизнь уходит, начинают трахать всех без разбора.

– А... – протянула Татьяна. – Ты, конечно, из первой категории террористов?

– При чем тут я? Со мной все проще. Думаешь, мне не хватает ума, чтобы понимать, чего от меня хотят эти юные создания? Ошибаешься. Я не верю ни одной из них. Все хотят только денег. И от этого становится совсем тошно. А дамы постарше спят и видят, как бы склонить меня к браку, чтобы потом спать и видеть, как бы проводить меня на кладбище. Сейчас возникла новая категория невест, они, не успев выйти замуж, становятся вдовами и тут же высматривают следующего бизнесмена, на хвост которому уже сели киллеры.

– Боже, какие страсти преследуют богатого человека?! – съязвила Татьяна.

Маркелов не обратил внимания и продолжил:

– А ты способна любить бескорыстно. Вернее, самому хочется бросить к твоим ногам все, что пожелаешь...

Татьяна встала, подошла к Маркелову, поглядела в его глубоко посаженные маленькие глаза, подергала за нос и вдруг прижала его лицо к своему животу.

– Ошибаешься, котик, мне нужно так много, что ни один мужчина в мире не способен столько предложить. Но все равно, спасибо тебе за любовь. Пожалуй, я соглашусь пожить с тобой до тех пор, пока не начнет тошнить. Отдаю тебе должное, ты точно рассчитал время

своего предложения. Я стану президентом твоего круиза. Пусть в театре покрутятся без меня, пусть Москва поскучает. На коленях приползут...

Маркелов принялся целовать ее платье.

– Ну, ну, котик... А что будем делать с графом? Его тоже жалко.

– Хочешь остаться с ним? – Маркелов резко отпрянул.

– Нет, нет, я его прогоню! – крикнула Татьяна и засуетилась. – Котик, мне пора. Дай мне всего два дня. Это немного. Будь мужчиной, ты же знаешь, я не люблю, когда начинается мелодрама.

Она выскочила из ресторанный кабинета раньше, чем Маркелов опомнился и захотел поцеловать ее на прощание. Он подошел к окну и увидел, как она села в такси.

Тем временем Лавр пригласил в кабинет маленького сухонького человека с бледным лицом и острым коротким носом, делающим его похожим на воробья. Редкие волосы его были перекинута справа налево, прикрывая плоскую лысину. Он был в пальто с каракулевым воротником, в руках держал серую шляпу. Зоркими глазами в красных прожилках пришедший быстро обшарил кабинет и, как только Маркелов повернулся, впился в него напряженным взглядом.

– Я – депутат Государственной думы, Василий Васильевич Правоторов.

– Маркелов, Илья Сергеевич, президент фирмы «Интеркрона».

Они обменялись рукопожатием, и Правоторов резко отдернул руку.

– У меня не так много времени. Я надеюсь, здесь мы встречаемся по делу? – он перевел свой цепкий взгляд на бутылки, стоящие на столе.

– Хочется верить, – пожал плечами Маркелов и приказал Лавру: – Скажи, чтобы убрали. Пусть принесут кофе и минералку.

– Я пью чай, – наставительно сообщил Правоторов.

Лавр вышел. Они молча ждали прихода официанта. Маркелов пытался угадать, кем был его новый знакомый до депутатства. Больше всего он походил на начальника первого отдела какого-нибудь «почтового ящика». Тот, в свою очередь, настороженно посматривал на Маркелова и важно переводил взгляд на свою шляпу.

– Думаю, вам стоит раздеться, – обратился к нему Маркелов.

Правоторов молча, с достоинством снял свое тяжелое пальто, шерстяной шарф и аккуратно перекинул через спинку стула. На его сухонькой фигуре мышинного цвета костюм напоминал скорее какую-то школьную форму. Он сел и скрестил ноги под стулом. И никак не отреагировал на появление официанта. Тот быстро убрал бутылки и подал кофе, чай и пирожные.

– Василий Васильевич, – обратился к депутату Лавр. – Будем считать разговор со мной предварительным. Я понял так, ваше согласие сотрудничать с нами имеется. Остается договориться об условиях. Или как?

Правоторов взглянул на Лавра с удивлением. Нахохлился. Потом вскинул голову и резко сказал:

– Ко мне многие обращаются с просьбами. Ими занимаются мои помощники. Я хотел бы услышать предложения от, так сказать, первого лица, – он перевел взгляд на Маркелова и продолжил: – Это ведь вы хотите арендовать землю под звероферму?

– Среди многих проектов нашей фирмы есть и такие, – уклончиво ответил Маркелов и тут же прямо спросил: – А вы из Брянской области?

– Не совсем. Но там меня неплохо знают.

Маркелов старался настроить себя на рабочий лад. Его раздражал этот чинуша. Еще больше он злился на Лавра, не сумевшего самостоятельно решить все вопросы. Поэтому принялся жевать пирожное.

Правоторов напряженно сжал губы и уставился в окно. Должно быть, он уже привык к заискиваниям и почету. Здесь этим не пахло. И он несколько растерялся. Всем своим видом желал подчеркнуть, что таких, как Маркелов, в одной Москве пруд пруди и что заручиться поддержкой депутата не так-то просто. Но Маркелов продолжал есть пирожное. Опускаться до разговора с Лавром депутату не хотелось. Поэтому Василий Васильевич решил поговорить о себе.

– Я давно работаю в разных эшелонах власти. Когда-то начинал с сельсовета. Так что народ меня знает и ценит мои качества. Это здесь, в Москве, некоторые депутаты иногда производят впечатление болтунов. Но на периферии совсем другое отношение. Каждый руководитель старается заручиться поддержкой. Я много езжу по стране. Общаюсь с народом, знаю о многих проблемах. В том числе и на Брянщине. Вот, ваш товарищ меня все больше о радиационных пятнах выпрашивал. А ведь это вопрос государственный. Кто ж на него просто так ответит? От меня в области секретов нет. А с такими, как вы, и разговаривать не станут. Москвичей вообще в глубинке недолюбливают. Толку-то от вас мало. Норовите сорвать свой куш и исчезнуть... Так что, если серьезно решили строить и нуждаетесь в земле, давайте относиться с должным уважением к власти. Мне нет смысла даже начинать какие-то разговоры без четких гарантий. Я человек прямой и желаю принимать участие исключительно в крупных и надежных проектах. Поэтому потрудитесь еще раз убедить меня в необходимости вам помогать.

Маркелов чуть не рассмеялся. Из этой пространной речи он понял, что Василий Васильевич давно промышляет мелким взяточничеством. Но дорвавшись до кресла депутата, решил набить себе цену. Ну что ж, такого покупать – одно удовольствие. Он ведь собрался проглотить гораздо больше, чем его тщедушный организм способен переварить.

Маркелов отодвинул чашку и, закулив сигарету, небрежно поинтересовался:

– Какие ваши предложения?

– Мои?! – неожиданно для всех взвизгнул Правоторов. – Это вы мне должны делать предложения! А уж я буду решать, стоит оказывать вам поддержку или нет.

Маркелов внимательно посмотрел на депутата и медленно, с небольшим нажимом произнес:

– С того самого момента, когда вы, Василий Васильевич, впервые осмысленно или по неосторожности дали согласие помогать нам, вы начинаете подчиняться нашим требованиям и выполнять наши указания. Ясно?

Правоторов мгновенно побледнел и обернулся к Лавру, взглядом ища у него спасение. Но тот лишь кивнул головой, подтверждая услышанное.

– Если вам что-нибудь не понравилось в моем объяснении, мы готовы рассмотреть размер компенсации за потраченное на нас время.

– Вы из ФСК? – почти шепотом спросил Правоторов.

– Нет. Мы не связаны с государством. Мы просто бизнесмены. И не любим, когда кто-нибудь знает о нас больше, чем хотелось бы. Давайте сразу решим – вас интересуют деньги?

– Какие? – растерянно спросил Правоторов. Спесь он явно утратил.

– Любые.

– Вы на что намекаете? – снова взбодрился Василий Васильевич, решив овладеть ситуацией.

– Я намекаю? – удивился Маркелов. – Еще чего! Вам предлагают помочь нам и получить за работу очень приличные деньги. И хватит тратить время на изображение невинности. Любая разумная сумма, обозначенная вами, нас устроит. У меня нет времени на торговлю.

Лавр тревожно взглянул на депутата. Он ждал от него истерики или воплей о неподкупности. Решил, что тот сейчас же сорвется бежать на поиск ментов, и был готов применить силу. Но Правоторов вдруг как-то скрючился, словно его прихватил живот, и пальцами правой руки постукал по фалангам левой.

– Значит, так, – резко начал он. – Десять процентов от стоимости сделки за посредничество. Десять тысяч долларов за секретную карту радиационного загрязнения района. И в дальнейшем каждый год мой процент от прибыли.

– И все? – улыбнулся Маркелов.

– Я чего-нибудь не учел? – в бесцветных глазах депутата мелькнул желтый огонек.

– Да. Процент за молчание. Я очень болезненно реагирую на любую утечку информации. Доверьте мне самому определить эту сумму, думаю, так будет лучше для всех.

Правоторов встал и по-военному четко произнес:

– Считайте, что вы меня уговорили. К концу недели мы встретимся, и вы сами определите по карте место для строительства.

– Что ж, приятно было с вами познакомиться, Василий Васильевич. Успеха вам в вашей трудной государственной деятельности, – вежливо улыбаясь, протянул ему руку Маркелов.

– Спасибо, Илья Сергеевич. Вы бизнесмен нашей российской закалки. Мой помощник позвонит вам. До свидания.

Лавр пошел провожать депутата, а Маркелов понял – игра началась. И порадовался тому, что Татьяна будет в эти нелегкие месяцы рядом с ним.

Глава пятая

– Почудили и хватит, – ответила Татьяна на вопрос Павла, куда она собирается.

Он лежал на диване и занимался гимнастикой пальцев. Татьяна нервно ходила по комнатам, собирая свои вещи. Павел наблюдал за ее широкими бедрами, обтянутыми белыми колготками. В них заключалась неистребимая животная сила этой женщины. При любом движении они нервно вибрировали. Свободная кофта скрывала ее немного выпиравший живот, а стройные ноги придавали легкость и сексуальность всей фигуре. Павел медлил с реакцией на ее очередной каприз. Он прекрасно понимал, что так просто Татьяна уйти не сможет. Ей, как актрисе, необходим эффектный финал. Поэтому она так нервно и бестолково собиралась. В душе графа боролись разные чувства. Вялость некоторых эмоций убеждала его в необходимости расставания. Их отношения в любом случае обречены на разрыв. Так пусть он произойдет по ее вине. Уходить самому всегда приятнее, но зато, когда уходит женщина, она тем самым снимает с души мужчины груз ответственности.

Татьяна явно надеялась на бурную сцену с мольбами, клятвами, ревностью. Но граф молчал. От обиды она запела низким грудным голосом: «Бедному сердцу так говорил он... Но не любил он... нет, не любил он... меня...»

Создавалось впечатление, будто Татьяна репетирует какую-то глупую пьесу. Устав крутиться по квартире, она подошла к каминному зеркалу в нарядной позолоченной раме, висящему напротив холла, где на диване лежал Павел. Широко расставив ноги в белых колготках и черных лаковых туфлях на высоких каблуках, она встала перед зеркалом и, уткнувшись в него, стала разглядывать свое лицо.

Как только Павел увидел на ней концертные туфли, он понял, что до настоящего ее ухода еще далеко. Напоследок она решила разжечь в нем очередной вулкан страсти. И надо сказать, сопротивляться этому было практически невозможно. Но Павел решил на этот раз переиграть знаменитую артистку. Если она действительно собралась уходить, он к ней и пальцем не приронется. Пусть выворачивается наизнанку. Исполняет стриптиз, танец живота, стонет от возбуждения. Может же он позволить себе такую роскошь и не дать ей ни капли наслаждения.

Татьяна начинала заметно распялаться и нервничать. Ее оскорбляло его показное невнимание.

– Ты понял, что я уйду? – спросила она, крася губы.

– У тебя концерт? Или с дочерью что-нибудь случилось? – безразлично спросил он, хотя сердце билось учащенно и низ живота налился свинцовой тяжестью от возбуждения.

– Концерт?! Да благодаря твоей драке меня никуда не приглашают! – яростно воскликнула она. – Я уйду навсегда. Вызови свое такси, и пусть шофер снесет в машину вещи.

– Хорошо. Куда тебя везти?

– Не твое собачье дело!

– Согласен. Но таксисту это нужно знать.

Татьяна замолчала. Павел прикрыл глаза и постарался расслабиться. По стуку ее каблуков он понял, что она ушла в спальню. Потом туфли с шумом полетели в стенку. Раздались всхлипывания. Далее, шлепая босыми ногами, Татьяна прошла на кухню и с хлопком открыла бутылку шампанского. Когда Павел все же открыл глаза, то увидел Татьяну в пеньюаре, надетом на голое тело. Она отхлебывала из бутылки шампанское.

– Специально издеваешься надо мной? Да? Тебе все равно, почему я уйду и к кому? Да? Ты попользовался мной и решил, что достаточно. Пусть мотает на все четыре стороны! Офелия, иди в монастырь! О какой любви может идти речь? А я ведь поверила...

Татьяна прервала свой гневный монолог и долго пила шампанское. После чего покраснела и, сверкая ошалелыми глазами, продолжила:

– На коленях умолял, обещал бросить к моим ногам горы драгоценностей. Молол какую-то ерунду о своих чувствах, и я, наивная одинокая женщина, поверила. Погубила свою карьеру, осталась без театра, стала посмешищем всей Москвы и, конечно, больше тебе не нужна! Теперь ты, как аристократ, возлежишь на диване, а я, как плебейка, убираюсь прочь!

– Чего ты хочешь? – не выдержал Павел. Он знал, что нельзя вступать с ней в диалог. Но слышать подобное было выше его сил.

– Я хочу?! – взревела она, и пустая бутылка из-под шампанского полетела в его сторону. Но мягко упала, ударившись о кожаную подушку дивана.

– Послушай, бросай ты эти актерские штучки. Живи проще. Неужели тебе со мной плохо? – настроившись на философский лад, спросил Павел. Он сам не мог решить, какой из вариантов лучше. Головой понимал – пусть уходит, но тело и душа противились этому. Он уже не способен ни единого дня пробыть без нее. И сейчас, когда в любой момент он может овладеть ее разгоряченным телом, не так просто разыгрывать безразличие. Но что произойдет, если она действительно уйдет? Он же будет кататься по полу, снедаемый страстью, желанием, ревностью и ненавистью к себе.

– А ты возомнил о себе нечто грандиозное? – продолжала кричать Татьяна. – Супермен, плейбой! Думаешь, в постели нет тебе равных? Размечтался! Да у меня сотни мужиков были лучше, чем ты. Поцупай, поцупай свой член. Разве этим огрызком можно осчастливить женщину? Тебе лучше в гомики податься. К твоему другу Стасику в объятия. Можно подумать, я не знаю, какие у вас с ним отношения. Ты же двустволка! От тебя, кроме СПИДа, ничего не дождешься.

Надо отдать должное Татьяне, уж коль она решала унизить мужчину, то добивалась этого любыми способами. Павел знал об этом и смеялся над ее рассказами о других. Но услышав о себе такую чудовищную ложь, мигом сообразил, что уже сегодня вечером, как только Татьяна дорвется до телефона, все ее подружки и знакомые начнут удивляться и охать, узнав о голубой связи графа Нессельроде. Он не выдержал. Подскочил с дивана, рванулся к Татьяне. Этого-то она и ждала. И сразу залепила ему звонкую тяжелую пощечину.

– Мерзавец, гомик!

Павел обалдел. Он никогда не бил женщин. Но Татьяна его провоцировала. Пришлось с силой оттолкнуть ее. Несмотря на достаточный вес, она взмахнула руками, отлетела к входным дверям и ударилась о дверную бронзовую ручку головой. Ее тело беспомощно сползло на коврик. Павел замер в растерянности. В голове мелькнуло: «Неужели убил?». Подбежал к Татьяне. Нагнулся над ней.

Она глаза не открыла, зато оттопырила губы. Павел припал к ним. Долгий поцелуй закончился ее признанием:

– Я возвращаюсь к Маркелову...

Павел отпрянул от раскинувшегося в сексуальной позе тела... Его трясло. Желание и ненависть боролись в нем. Татьяна попыталась приласкать его. Но после услышанного прикосновение ее вызывало отвращение. Татьяна хотела уйти к другому, сознавая, какую мучительную боль причиняет графу. Он решил не дарить ей такую радость. Поэтому встал и вернулся на диван.

– Когда будешь уходить, захлопни дверь! – крикнул он.

Татьяна не пошевелинулась. Лишь раскинула в стороны ноги и застонала. Она уже никуда не собиралась. Павел встал, подошел к ней, переступил через соблазнительное тело и отправился в кухню. Там он достал бутылку водки, налил себе рюмку и залпом выпил. Мозг работал туго. Но образ Маркелова, презрительно курящего «Ротманз» у окна гримуборной, настойчиво возникал перед глазами. Павел не хотел верить, что так запросто разбивается его юношеская мечта. Он готов был признаться в единственном бессмысленном чувстве к Татьяне, но язык не поворачивался.

«Пусть уходит! Пусть идет к нему... Б... Она же сама смеялась над ним. Говорила, что Маркелов – импотент! Сука...» – подумал Павел и выпил еще.

К нему молча подошла Татьяна. Села на стул. Налила себе рюмку.

– Ладно, граф, какое мне дело – голубой ты или нет... В тебе нет другого. Основы. Маркелов способен поставить меня на пьедестал. Сегодня он хозяин жизни. А ты никогда не будешь хозяином. Ты – пена. Классный импортный пенящийся шампунь. С тобой хорошо в ванной. Но вместо шубы ты не годишься. Даже если выиграешь миллион... Я – актриса, ты – игрок. Оба мы ненастоящие. Прости меня. Если хочешь – люби. А хочешь – ненавижь. Я в твоей биографии останусь не худшей страницей.

Она выпила. Чихнула несколько раз подряд и пошла собираться. Деревянной рукой Павел нащупал радиотелефон. Вызвал такси. И больше не шевельнулся, пока захлопнувшаяся входная дверь не оповестила об уходе из его жизни единственной всепоглощающей любви.

Несколько дней Павел находился в запойно-депрессивном состоянии. Он отключил телефоны. Не откликался на звонки в дверь. Не подходил к разукрашенным морозом окнам. В попытках Татьяна забыла некоторые свои вещи. Он целовал их, вдыхая сохранившийся запах. Дальнейшая жизнь представлялась ему сплошной черной дырой. В ней не было ничего, кроме бессмысленного одинокого существования. В его воспаленном мозгу вдруг зародилась спасительная мысль: «А что, если Татьяна наврала о Маркелове. Просто решила напоследок сделать ему больно?» В груди затеплилась надежда. Он схватил телефон и набрал домашний номер Татьяны.

Ответила ее дочь. На вопрос «где мама?» заявила, что ей наплевать, где она, но скорее всего сегодня днем будет на какой-то презентации в Центре международной торговли. Окрыленный возможностью увидеть Татьяну, Павел потащился в ванную комнату. Там он долго отмокал в прохладной воде и предавался возвращающим к жизни мечтам. Он тщательно побрился. Уложил феном волосы и занялся своим гардеробом. Чаще всего граф надевал свой элегантный клубный пиджак с бронзовыми пуговицами и серые довольно широкие брюки. В этом наряде его худая фигура приобретала некоторую массивность и благодаря высокому росту значительность. На фоне белой батистовой рубашки изысканно выделялся плотный бордовый галстук. В таком виде он впервые предстал перед Татьяной и поэтому решил одеться так же.

Ровно в семнадцать ноль-ноль такси подвезло графа Нессельроде к стеклянному подъезду «Интерконтиненталя». Возле распахнутых дверей стояли охранники в пятнистой форме и несколько официально одетых молодых людей с озабоченными лицами.

– Передайте кому-нибудь из устроителей, что приехал граф Нессельроде, – небрежно обратился к ним Павел.

– Подождите, сейчас пройдут приглашенные из аппарата президента, – строго ответили ему.

Действительно, в проходе появились узнаваемые лица высокопоставленных чиновников, привыкших красоваться на телевизионном экране и всяческих презентациях. Один из них посмотрел в сторону Павла и воскликнул:

– Граф, какая встреча! Вы еще в Москве? Послушайте, я вас днями разыскивал. У меня возник странный казус в покере, – он подошел к Павлу, взял его под руку и увлек за собой мимо остолбеневших охранников.

Благодаря столь красноречивой поддержке Павел очутился в самом центре внимания. Вокруг толпились знакомые и незнакомые ему банкиры, бизнесмены. Возле них блистали молодостью, красотой и дорогой косметикой любовницы, высокомерно поглядывавшие по сторонам. Павел искал взглядом Татьяну, при этом довольно путанно объясняя президентскому чиновнику его карточный промах.

Сначала Павел увидел Маркелова. Он, как всегда, курил в некотором отдалении и в полном одиночестве. Черный шарфик, выбивавшийся из раскрытого ворота рубашки, придавал ему некую богемную театральность. Глубоко посаженные глаза смотрели из-под густых седых бровей куда-то в сторону. Павел поглядел туда же. Возле стола с напитками в бирюзовом коротком платье пила шампанское Татьяна. Рядом с ней стоял невысокий мужчина. Павел узнал в нем известного шоумена Леонида Леонтовича. Они о чем-то оживленно беседовали и громко смеялись. Павел ни разу за все время их знакомства не видел Татьяну в мини-юбке. Обычно она надевала стильные платья, облегающие грудь и расширяющиеся от бедер до колен. Сегодня юбка едва прикрывала ее мощные ляжки в бледно-розовых колготках. Это выглядело откровенно вызывающе. Высокие розовые ботинки, зашнурованные до икр, вносили в ее облик нечто подростковое. Каштановые волосы волнами свободно спускались на плечи. Она ими часто встряхивала в такт своему смеху. Павел заметил множество мужских оценивающих взглядов, направленных в ее сторону. Остальные дамы в более строгих и дорогих нарядах казались по сравнению с Татьяной излишне чопорными и зажатыми.

Павел решил подойти к Маркелову. Тот встретил его печальной улыбкой. И вместо приветствия спросил впрямую:

– Говорят, граф, вы сменили сексуальную ориентацию?

– Врут. Скорее всего, такие сплетни распускают брошенные мною женщины, – спокойно ответил Павел и, в свою очередь, поинтересовался:

– Вы один или с дамой?

– Я всегда один, – соврал Маркелов. Он приехал с Татьяной, но не очень хотел светиться рядом с ней. Пусть окружающие продолжают думать, что между ними все те же приятельские отношения бывших любовников. Маркелов хорошо знал нравы московской тусовки. Хочешь избежать лишних разговоров, не следует делать резких поворотов. Но появление графа осложняло ситуацию. Он ведь наверняка начнет выяснять отношения с Татьяной. Хотя Маркелов и не исключал, что такой легкомысленный прожигатель жизни, как Нессельроде, возможно, сам с удовольствием поставил крест на романе с ней. В конце концов, она ему почти прилюдно изменила. Это несколько успокаивало Маркелова, ему хотелось понаблюдать со стороны за дальнейшим поведением графа.

А тот, в свою очередь, очень надеялся убедиться, что Маркелов действительно одинок.

Они еще немного постояли вместе, разговаривая о пустяках. Маркелов рассказал о хозяевах презентации – крупной строительной фирме «Государыня», получившей подряд на строительство международного бизнес-центра в Крылатском. Павел пожаловался на материальную стесненность и спросил, не собирается ли кто-нибудь в ближайшее время играть по-крупному. Маркелов пообещал узнать и сообщить. Сам он с графом предпочитал за один игровой стол не садиться. Исчерпав тему разговора, они еще немного помолчали и разошлись.

Павел принялся осторожно наблюдать за Татьяной. Маркелов за ним. А ей, судя по всему, было наплевать на обоих. Она продолжала хохотать над шутками Леонтовича. Он их выдавал с унылым выражением лица, которое придавали ему седые свисающие углами усы и усталые глаза в обрамлении пушистых бесцветных ресниц. Казалось, Татьяна полностью поглощена своим собеседником. Поэтому Павлу ничего не осталось, кроме прослушивания торжественных речей в другом конце зала.

Организаторы презентации решили не испытывать терпения гостей и, быстро отчитавшись в своих успехах и дальнейших планах, пригласили всех на фуршет.

В мгновение ока официанты заставили длинные столы блюдами с изысканными закусками. Народ с тарелками повалил к горам деликатесов. Павел прошел стороной к Татьяне и окликнул ее. Она была настолько увлечена устрицами, что не сразу смогла оглянуться. Высоко подняв тарелку с моллюсками, повернулась к нему и крикнула:

– Принеси шампанское!

Павел покорно поспешил к барменам, наливавшим напитки. Когда он вернулся с двумя полными фужерами, Татьяна вовсю глотала устриц. И еще умудрялась кормить ими стоявшего рядом Леонтовича.

– Что случилось, граф, вы сегодня без венка из прекрасных дам? – участливо спросил шоумен. – Может, вас интересуют мои мартышки? Они сегодня как на подбор. Или вы разочаровались в женщинах?

Услышав это, Татьяна прыснула от смеха и чуть не подавилась устрицами.

Если бы лицо Леонтовича не выражало вселенскую скорбь, а в глазах не теплилось искреннее человеческое сочувствие, Павел не простил бы ему двусмысленности вопроса. Но в данном случае лучше было отшутиться.

– Я в ближайшее время планирую крупную игру. А вы сами знаете, карты не любят тех, кому везет в любви.

– В таком случае, не завидую вашим партнерам.

Павел взглянул на Татьяну. Она демонстративно прятала глаза. Можно было бы продолжать этот светский треп и понаблюдать за ней и Маркеловым. А какой смысл? Давать лишний повод для сплетен? Нет, лучше попытаться снова поговорить с ней. Так решил Павел и резко попросил Леонтовича:

– Леня, пойді проконтролируй свой гарем, а мы пока поговорим.

Шоумен понимающе улыбнулся уголками полных губ и отошел раньше, чем Татьяна успела схватить его за рукав.

– Ну? – начал Павел.

– Баранки гну... – зло ответила она. – Пришел изводить меня претензиями? Или у тебя из квартиры что-нибудь пропало?

– Ты здесь одна?

– А тебе какое дело?

– Хочу, чтобы вернулась ко мне. Хватит дурить. Я же тебя люблю.

Татьяна помахала пустой тарелкой и с раздражением заявила:

– Пока ты мне голову морочишь, все самое вкусное сожрут! – и, отвернувшись, поспешила к столам, трещащим от штурма завсегдатаев презентаций.

Павел пошел за ней. Он ничего не замечал, кроме ее каштановой копны волос и обнаженных покатых плеч. А совсем рядом Маркелов переговаривался с Лавром, наблюдая за бесплодными усилиями своего соперника. Речь шла о новой встрече с депутатом Правоторовым. Не меняя тона, Илья Сергеевич спросил:

– Как ты считаешь, граф долго собирается путаться под ногами?

– Ровно столько, сколько ты собираешься ему позволять это, – философски заметил Лавр, медленно пережевывая копченую поросятину.

– Я думал, он умнее. Так здорово играть в карты, просчитывать любую игру, а в жизни блуждать в трех соснах. Даже как-то жалко. Объясняться с ним глупо, подумает, что ревную... Меня он не раздражает... а Татьяну его наскоки, сам видишь, нервируют. Ей нужен покой. Пожалуй, стоит оградить, а?

Лавр продолжал жевать, наблюдая, как Павел старается удержать Татьяну возле себя. Их со всех сторон толкали, и она вертела головой, явно высматривая Маркелова. Скандал мог разразиться в любую минуту. Поэтому, проглотив последний кусок мяса, Лавр вытер салфеткой жирные губы и поинтересовался:

– Его как? На время или насовсем?

– Решай сам. Я графьев из Баден-Бадена сюда не приглашал.

– Ладно, хозяин. Больше ты его не увидишь, – кивнул головой Лавр и направился к Леонтовичу, скусающему в стайке высоченных девиц.

– А вот и любимец женщин Лаврентий Павлович, – серьезным тоном представил его шоумен.

Девушки не поняли смысла шутки и оценивающими взглядами пробежали по толстым лацканам зеленого кашемирового пиджака подошедшего. Лавр взял Леонтовича под руку и, не извиняясь, отвел его в сторону.

– Леонид, хозяин попросил помочь нам в одном деле. Раз ты у нас круизом заведешь, помоги организовать на его борту крупную карточную игру. Нужно заинтересовать настоящих картежников. Попробуй сейчас, когда начнется концерт, сыграть с графом Нессельроде и с одним кадром из аппарата президента.

Леонтович с сожалением посмотрел на Лавра, вздохнул и прикрыл глаза белесыми пышными ресницами.

– Шутишь? Мне с ним играть все равно, что заниматься благотворительностью. Лучше раздать деньги сиротам.

Лавр достал из кармана пиджака кожаное портмоне с медными углами и протянул ему.

– Здесь десять штук. Можешь проиграть все.

Длинные концы седых усов на лице Леонтовича вяло зашевелились. Не беря портмоне, он безо всякого энтузиазма спросил:

– А вдруг выиграю? Мне будет морально трудно расстаться с такой суммой.

Лавр без дальнейших уговоров вложил ему в руку портмоне и похлопал по плечу.

– Не дрейфь, не выиграешь, – и быстро отошел к компании президентских чиновников.

Леонтович открыл кошелек, потрогал пальцем пачку долларов, пожал плечами и спрятал в карман. Он привык к просьбам совсем иного характера. К тому же играл довольно редко.

Павел уже не рассчитывал на согласие Татьяны ехать к нему. По всем правилам следовало бы развернуться, прихватить одну из мартышек Леонтовича и удариться в забубенный загул. Но какая-то неведомая сила не позволяла ему отойти от нее. Жутко короткое платье, едва прикрывавшее мясистые ляжки в розовых колготках, вместо отвращения вызывало в нем животную страсть. Он не мог совладать с собой и постоянно хватал ее за руку. На запястье Татьяны появились фиолетовые синяки. Она в ответ говорила ему всякие гадости. Но почему-то ни разу не заявила, что пришла сюда с Маркеловым. Более того, намекала на какие-то отношения с Леонтовичем. Такой поворот совершенно не укладывался в голове Павла. Но он не замедлил бросить в сторону шоумена несколько полыхавших ревностью взглядов.

Благодаря своему росту граф имел возможность наблюдать за передвижениями всех своих потенциальных соперников. Увлеченный этим занятием, он поначалу не понял, чего хочет от него тот самый чиновник, который провел его на презентацию.

– Граф, надеюсь, вы не откажете мне в просьбе сыграть партию. Пока дамы будут наслаждаться эстрадой, мы вполне управимся.

С губ Павла чуть не слетела брань. Насилу себя сдержал, понимая значение человека, обратившегося с неуместной просьбой. Но когда чиновник тихим вежливым голосом добавил, что третьим будет Леонтович, Павел грубо притянул Татьяну к себе и выразительно взглянул в ее глаза. Она дернулась в сторону и по-хозяйски ответила:

– Леонтович с тобой играть не будет. Я ему не позволю. Из гуманных соображений.

В ответ Павел незамедлительно протянул руку чиновнику и ответил на крепкое рукопожатие.

– Согласен, – при этом он силился вспомнить, как зовут будущего партнера, но не вспомнил и воспользовался старым проверенным способом – обратился к Татьяне: – Познакомься, это всеми уважаемый человек...

– Олег Степанович, – поспешил представиться тот и с жаром поцеловал протянутую ему руку с зажатой между пальцами сигаретой.

– Пойдемте, Олег Степанович, я к вашим услугам, – сухо предложил Павел.

Они разыскали Леонтовича и в сопровождении хмурого молодого человека с уголовной внешностью отправились в одну из предназначенных для переговоров комнат. Мягкий рассеянный свет, пробивавшийся сквозь матовый стеклянный потолок, освещал широкий овальный стол в окружении высоких кожаных кресел. В полной тишине монотонно шуршал кондиционер. Сопровождавший их молодой человек быстро организовал кофе, коньяк, конфеты и орешки. Поставил на стол настольную лампу с широким белым абажуром, положил две колоды нераспечатанных карт, листы бумаги и ручку.

Павел не спускал глаз с Леонтовича. Глупо было доверять намекам Татьяны, да и сам шоумен вел себя достаточно нейтрально. Но, возможно, они придумали такой ход, чтобы притупить его бдительность. И все-таки смешно и нелепо менять его, гордость московской светской жизни, на этого любимого домохозяйками клоуна. В любом случае Павел решил оставить Леонтовича сегодня без штанов. И на всю оставшуюся жизнь отбить охоту к картам. Тем более что преферанс втроем – серьезное испытание для дилетантов. Даже если он будет играть осторожно, не рискуя, беря только верные взятки, Павел сумеет поймать его.

Олег Степанович быстро, со знанием дела расписал пулю и, разорвав колоду, принялся сдавать карты.

– Вист по десять долларов? – спокойно поинтересовался Леонтович.

Павел с интересом взглянул на него. Такого предложения он не ожидал. «Неужто этот шоумен настолько самоуверен?» – подумал Павел и перевел взгляд на Олега Степановича. Тот пребывал в эйфории игрового азарта. Нервно закурив, скривил губы и кивнул Павлу в знак согласия.

Игра началась ровно. Незаметным движением большого пальца Павел раскрыл веером карты. Ему везло. Дважды приходили непойманные мизеры. Во всех мастях глаз выхватывал семерки. А тут еще Леонтович при чужом ходе не сумел разыграть марьяж, чем вызвал возглас непонимания у Олега Степановича. Тот, в свою очередь, подзалетел на восьмерной при раскладе четыре на одной руке и опережении в козырях.

Павел полностью контролировал игру. За многие годы у него выработалось чутье на карту. Он давно перестал прибегать к каким-либо ухищрениям. Не изучал мимику партнеров, не запоминал рубашки карт. В его голове включался своеобразный компьютер, который не только запоминал каждый ход, но подсказывал, какая карта идет в руки партнеру. В основе этого метода лежала уникальная интуиция, помноженная на богатый опыт и тонкое понимание игры. При этом концентрация на самой игре была у Павла настолько высока, что он даже не замечал людей, прохаживавшихся вокруг стола. В такие минуты для него ничего не существовало, кроме карточной комбинаторики.

Играть с ним было легко. Потому что Павел всегда принимал четкие и единственно верные решения. Казалось, он поверхностно скользит по игре. Но это только казалось. Право на ошибки он любезно предоставлял другим. Партнеры стали нервничать, и их горка выросла. А у Павла в вистах появились колеса. Он неумолимо вел игру к финалу и прикидывал в уме сумму выигрыша. При таком раскладе он, как правило, мог просидеть за столом до утра. Но мысли о Татьяне заставили его торопиться.

Когда расписали пулю, то оказалось, что Леонтович влетел очень сильно. Олег Степанович остался почти при своих. Павел небрежно сгреб деньги и сунул в карман пиджака. Желание играть покинуло его. Олег Степанович не возражал. Но возмущился Леонтович. Он вытащил из портмоне несколько сотен и заявил, что имеет право отыграться. Пришлось снова сесть за стол.

Новая игра не принесла радости партнерам Павла. Он стал играть резко, напористо и по-особому энергично. Внешне казалось, что он раздосадован и весь во власти своего настроения. На самом же деле холодный расчет и умение мгновенно считать позволили ему потянуть игру на себя. Разговоры между партнерами велись уже на повышенных тонах. Пришла очередь

огорчаться Олегу Степановичу. На этот раз и для него события развернулись печально. Он тут же потребовал играть по новой. Леонтович небрежно бросил на стол три тысячи долларов.

Павел удивился. Он никогда не держал шоумена за богатого человека. То, с каким равнодушием Леонтович расставался с деньгами, возбудило в душе графа новые сомнения. Это распалило его ревность, и Павел принялся играть с новым ожесточением.

Его нервозность передалась партнерам. Олег Степанович наорал на молодого человека, блуждавшего за их спинами. Павел впервые оторвался от карт и посмотрел в сторону этого парня. Тот не сводил с него глаз. В них колыхалось какое-то настороженное ожидание. Возникают такие моменты, когда случайный человек вдруг кажется вам совсем не случайным, а предназначенным судьбой. Инстинктивно хочется побыстрее отделаться от него, затеряться в толпе, нажать на педаль газа, скрыться за дверью. Павел ощутил недобрую энергию, исходящую от этого коротко подстриженного мордатого парня в мешковатом двубортном костюме, подчеркивавшем его неотесанность.

Олег Степанович раздраженно попросил Павла не задерживать игру, скорее сносить прикуп. Павел невозмутимо проглотил незаслуженно обидную реплику и вновь с болью в сердце подумал о Татьяне. Продолжение игры его интересовало исключительно как процесс раздевания Леонтовича. Но шоумен совершенно не огорчился по поводу внушительного проигрыша.

Игра вдвоем не предполагает особой длительности. Они же взяли такой темп, что со стороны стали похожи на заведенных человечков, утративших смысл своих действий и осуществляющих заученные механические движения. К коньяку и кофе никто из них не притронулся. Наконец, Леонтович вяло бросил на стол пустое портмоне и поднял руки вверх.

– Граф, черт меня дернул впутаться с вами в игру!

– Замечательно! – воскликнул Олег Степанович. Он снова остался при своих, поэтому подергал Леонтовича за уголок уса и продекламировал: – Как сказал один рабочий – знал бы прикуп, жил бы в Сочи!

Леонтович дернулся и пренебрежительно заметил:

– Вы, Олег Степанович, лучше президента за яйца дергайте. Он вам доступнее.

Олег Степанович съехался, словно сурок, получивший щелчок по носу, и с сановной заносчивостью ответил:

– Не забываетесь, Леонтович. Власть, которую я представляю, не демократическая и не тоталитарная. Она просто власть и хамства не прощает.

После этих слов он с важным видом удалился.

Леонтович усмехнулся в усы и подмигнул графу.

– Лучше проигрывать с вами, чем выигрывать с ними.

Павел не был расположен к дружескому общению. Но беззлобность шоумена несколько обезоружила его. Он переступил через чувство неловкости и мужской гордости, наклонился к нему и прямо спросил:

– Леня, ты спишь с Татьяной?

Усы Леонтовича поползли в разные стороны. Пухлые губы сложились в пренебрежительную улыбочку. Он задумчиво покачал головой и доверительно прошептал:

– Я давно уже сплю исключительно с собственной женой, и мне это чертовски нравится. С возрастом в ней просыпается нечто ранее неизвестное. А Татьяна... извините, граф, я слышал, вы были, кажется, влюблены... Не забывайте, она, как и всякое произведение искусства, принадлежит народу, то есть всем...

У Павла отлегло от сердца и невольно вырвалось:

– Она пришла сюда с Маркеловым?

Леонтович неспешно налил себе рюмку коньяку, выпил и задумчиво просвистел легкомысленную мелодию.

– Граф, вы не столь наблюдательны в жизни, как в карточной игре. Неужели до сих пор не заметили, что у каждой свободной женщины обязательно есть мужчина, к которому она периодически возвращается? Меняются увлечения, любовники, даже мужья. А он остаётся. Такое своеобразное преломление эдипова комплекса. Маркелов из этого ряда. Но, думаю, в данный момент их объединила подготовка к круизу...

– Какому круизу? – вздернулся Павел.

– О, да вы не посвящены... тогда, увольте, я сам мало что знаю. Расспросите их сами. Мне пора. Мартышки без папы расшалились.

Леонтович встал и, махнув на прощание рукой, быстро отправился в зал.

К Павлу подошел парень, смущавший его во время игры своим недобрым взглядом исподлобья.

– Чего-нибудь еще хотите?

– Нет, спасибо. Ты здесь работаешь?

– Хм, хм... – презрительно хмыкнул парень. – Меня в детстве забыли научить работать.

– Меня тоже, – согласился Павел.

– Так классно играть – зачем работать! За каких-то полтора часа десять штук загрести.

Павел встал и строго предупредил:

– Не считай чужих денег, а то характер изговняется.

– Будут свои – посчитаю, – буркнул тот в ответ.

Павел прошел в зал, где за столиками со свечами сидели самые стойкие любители презентаций. На сцене очередное существо среднего пола бегало по ступенькам и пело детским голосом. Павел двинулся вперед, лавируя между столиками и всматриваясь в полумрак в надежде найти Татьяну.

Она сидела рядом с известным лысым артистом и пила шампанское. Он не обращал на нее никакого внимания, а размахивая рукой, громко и напористо обращался в никуда:

– На хрена такие презентации! Давайте жить скромнее! Старушки в переходах замерзают! Нужно отказаться от подачек мафии! Мы превратились в народ, голосующий челюстями! Каждый разбогатевший ворюга для нас господин, а каждый нищий – товарищ!

На его спич никто не обращал внимания. Нечто подобное он нес и с экрана телевизора и на всех других презентациях, куда его непременно приглашали. Поэтому почитался штатным борцом с буржуазными излишествами.

Павел сел рядом с Татьяной. Она молча налила ему шампанское и обратилась к возбужденному артисту:

– Эй, котик, хватит звиздеть. Посмотри, кто к нам пришел. Граф Нессельроде. Ты ведь за русское дворянство?

Артист повернул красное с мешками под глазами выразительное лицо. Вперился долгим взглядом в Павла и повелительно махнул рукой:

– Наливай!

Павлу очень хотелось врезать этому позеру по ушам. Он вообще презирал эту шушеру, ошивающуюся вокруг сладких пирогов и обязательно лезшую в телекамеры, чтобы с умным видом, которому научились в театральных заведениях, изрекать банальные истины. Но сейчас ему было не до того. Он достал из кармана кучу выигранных долларов и положил перед Татьяной.

– Я выиграл десять тысяч тебе в подарок. Поехали домой, мы оба устали...

Лысый хлопнул ладонью по столу и накрыл деньги.

– Покупаешь? Кого? Нас... русских артистов?! Ах ты нувориш!

Павел вскипел и уже приготовился нанести удар, но Татьяна сама оттолкнула своего приятеля и укоризненно прокричала:

– Сам ты дерьмо! Думаешь, не знаю, на чьи деньги пьешь? – и без передыха обратилась к Павлу: – Граф, уходи. Ты меня достал. Забери деньги. Я ведь ложусь бесплатно. Просто уже не с тобой.

– А с кем? – глухо спросил Павел.

– Еще не решила.

Павел сгреб деньги, сунул в карман и молча отошел от столика. Ему на глаза снова попался парень, наблюдавший за ним во время игры. Павел прошел мимо. В гардеробе услужливый гардеробщик подал ему пальто и получил на чай стодолларовую бумажку.

Выйдя из стеклянного подъезда, Павел направился в сторону поджидавшего его такси. Дорогу преградил дворник, со скрежетом убиравший широкой совковой лопатой жидкую грязь. Павел чуть не споткнулся о черенок лопаты и подождал, пока тот не отошел в сторону. Но не успел сделать и двух шагов, как получил страшный удар по спине этой самой лопатой. Покачнувшись, он медленно стал поворачиваться, с ужасом ощущая, что руки онемели и повисли плетью. Неказистый мужичок, словно ничего и не произошло, продолжал скоблить мокрый асфальт. Павел решил ударить его ногой. В этот момент кто-то сзади схватил его за волосы, и в шею уперлось широкое дуло.

– Молчи, падла, – раздался хрип из-за спины.

Павел не мог сопротивляться. Руки не обрели чувствительности. Поэтому повиновался властным движениям неизвестного, увлекавшего его в подъехавшую машину. Его с силой втокнули в салон и сразу жестким жгутом перехватили запястья бесполезно свисающих рук. Спину ломило, боль отдавалась в затылке. Трудно было соображать. Павел откинул голову и вместо глубокого вздоха издал хрип. От неспособности сопротивляться он закрыл глаза и потерял сознание.

Пришел в себя, когда машина уже мчалась по Новому Арбату. С боков его сжимали какие-то мужики. Рядом с шофером вполоборота сидел знакомый ему парень и разговаривал по телефону. Граф сначала даже не понял, что речь идет о нем.

– Нет, нет. С ним приказали покончить сегодня. Это недолго. А потом заедем к вам в казино. Ничего, мы при бабках, готовьте телок. – Парень небрежно бросил трубку и обратился к сообщникам: – Ох, и оттянемся мы сегодня ночью, за всю масть.

Мужики, сидевшие с Павлом, грубо рассмеялись. Один из них вдруг заорал:

– Слышь, командир, а какого х... будем с ним валандаться. Давай сдадим Лорке-гестапо. В прошлый раз она за банкира штуку дала. Слышь, а?

– Не-е... приказано порешить, так уж приказано. Надежность должны гарантировать. Сейчас до Баковки доедем, там его, гниду, и порешим. Есть на примете одна дачка. Он в погребе до весны проваляется, пока хозяева не обнаружат. А может, и дачка к тому времени сгорит. Этой зимой будет много пожаров.

Павел слушал без особых эмоций. Разговор звучал настолько обыденно, что не внушал положенного страха. Скорее всего его просто брали на испуг. Наверное, им нужны деньги, которые он выиграл. Ведь неспроста этот бандит во время игры приглядывался к нему. Павел понял ситуацию и довольно спокойным голосом предложил:

– Парни, оставьте меня в покое. Берите деньги и катитесь к черту. Я в ментовку не побегу. Зачем нам по Москве мотаться?

– Деньги – это хорошо. Вери гуд! – оживился знакомый. – Только вынуждены тебя замочить. На то приказ имеется. А деньги возьмем, не сомневайся.

– Чей приказ? – не понял Павел. Его затуманенный от боли мозг отказывался воспринимать серьезно весь этот бред. И тем более верить в существование какого-то заговора против него.

– Про то тебе, гнида, волноваться не в кайф. Лучше не возникай. Мне ведь все одно, где тебя порешить. Могу и в машине, – парень достал из кармана пистолет с глушителем.

– Командир, ну ты того... в натуре... – опешил один из мужиков.

– Не бойсь, Леха, не в танке, – гнусно рассмеялся парень и, оборвав смех, спросил: – А Лорка взаправду штуку дает?

– Б... буду, – подтвердил Леха. – Слышь, в натуре. Мы ей банкира сдали. Бабки на бочку. Три дня оттягивались. Потом заехали, а он аккуратненько, как в ГУМе, в коробку из-под «Сони» упакован. Жалко даже было выбрасывать. Так неподалеку в Язу захреначили. Пожалуй, раньше весны и не всплывет. В натуре, слышь, а? Деваться ему некуда. А штука не помешает.

Командир задумался. Его обуревали сомнения. Павел не отрываясь смотрел на его скошенный профиль. Все тело охватила дрожь. Пожалуй, впервые в жизни граф почувствовал неизбежное приближение смерти. Он попытался сжать кулаки. Руки отошли от шока и понемногу начинали слушаться. Но жгут не позволял сделать ни единого движения. Хотя на улице Павел смог бы раскидать своих убийц ногами. Поэтому он решил сидеть тихо, чтобы не нарваться на пулю в машине. Вся надежда была на не связанные ничем ноги.

Командир несколько раз хмыкнул и поинтересовался:

– А две штуки не даст?

– Кто ж ее, стерву, знает. Ежели чего – поторгуюсь. Хотя ее жаба душит по-черному.

– Да штуки хватит. Главное, руки мыть не придется, – ожил второй мужик, сидевший слева.

Командир почесал затылок.

– Приказ, понимаешь, конкретный. А вдруг он сбежит?

– Ты, командир, даешь, в натуре. Слышь, а? От Лорки-гестапо сбежать? Да от нее ни один таракан не сорвется. Она ж, наверное, не дура. На постоянной мокрухе сидит. Ну ты, в натуре, не того...

Аргументы Лехи произвели впечатление. Командир лениво протянул ему телефон:

– Звони.

Тот не заставил просить вторично. Огромными непослушными пальцами принялся тыкать в кнопки. Долгие гудки наполнили салон тягучим ожиданием. Павел терялся в догадках. И совершенно не мог разобраться, какое из двух зол меньшее. Наконец заработал автоответчик. Мелодичный женский голос попросил оставить координаты.

– Не фарт, – прокомментировал Командир.

Но Леха не сдавался и кричал в трубку:

– Лора, ну чего ты, в натуре... Это я – Леха. Гостинец для тебя имею. Или не интересуешься?

И его крик, как ни странно, возымел действие. В трубке щелкнуло, и тот же женский голос лениво спросил:

– Ты где?

– Чего где? Говорю ж, везу гостинец, слышь, а? Хочешь, к тебе завезу. Мимо едем.

– Ой, мне вроде не до того... – замялась на том конце Лора. – Уверен, что стоит моего внимания?

– В натуре!

– Ладно, вези... – нервно вздохнула она на весь салон. – Припаркуйся возле желтого «мерседеса». Сейчас предупрежу охрану.

В трубке послышались короткие гудки.

– Готово! Бабки наши и никаких делов! – гордо оповестил Леха и обратился к Командиру: – А ты чего, забыл, что ли, Лорку?

– Да помню, – признался Командир. Он развернулся всем телом к Павлу и без всякой подготовки нанес ему сильнейший удар под подбородок.

Голова графа откинулась, и он потерял сознание. Потом, еще несколько раз приходя в себя, ощущал эти прицельные удары, пока не впал в оцепенение.

Остальное уже воспринимал сквозь туман забытья и кровавую пелену перед глазами. Его с трудом вытащили из машины и, крепко держа под руки, заставили идти по нетоптаному снегу.

Большой желтый дом светился в темноте одинокими огнями. Никаких людей вокруг не было. Павел попытался крикнуть, но обнаружил, что рот его забит куском какой-то мокрой шерсти. Таким же мокрым шарфом было обмотано лицо до самых глаз. Он шел, по-пьяному заваливаясь набок и неверно переставляя ноги. Боль не ощущалась и страх не возникал...

Командир подталкивал его сзади. Павел не мог видеть двух охранников Лоры-гестапо, контролировавших их продвижение. Квартира оказалась на первом этаже. Перед тем как войти, Павлу натянули вонючую шерсть на глаза и впихнули внутрь. После этого он получил еще один удар по затылку и рухнул на пол. Командир переступил через него. Охранники Лоры остались за входной дверью. Леха сделал предупредительный жест рукой и скрылся за второй железной дверью, ведущей в комнаты, оставив дружков и лежавшего Павла в своеобразном тамбуре, освещаемом одной лампочкой в металлической сетке. От нечего делать и ущемления собственной значимости Командир закурил и несколько раз сплюнул на пол.

– Что за баба-то? – поинтересовался его напарник.

– Тебе зачем? Меньше знаешь – меньше дадут. Видишь, я сам не лезу. Пусть на Лехе висит. Наше дело деньги получить и труп вывезти.

Дверь приоткрылась, и возникла голова Лехи.

– Больше штуки не дает. Косит на отсутствие дефицита.

– Нет. Забираем обратно. Передай ей, дуре, что графьями не больно-то поразбрасывается.

Леха от удивления вылез в тамбур и, прикрыв за собой дверь, уставился на лежащего Павла.

– Иди ты. В натуре, граф?

– В натуре...

– А какая фамилия?

– Это при мне. Сам сообщу, если жаться не будет.

– Понял, – Леха снова исчез за дверью и через несколько минут опять появился. – Иди, говори сам. Не верит она.

Командир бросил окурок на пол, еще раз смачно сплюнул и важно скрылся за дверью. Он попал сразу в огромную комнату, в центре которой стоял широкий серый диван, и на нем в темно-красном халате лежала блондинка с распущенными жидкими волосами и круглыми темными очками на лице. У ее ног, положив квадратную голову на вытянутые лапы, лежал черный дог с красными глазами. Командир вздрогнул от неожиданности. Собака мгновенно среагировала настороженным движением ушей. Блондинка властно дернула рукой, давая Командиру понять, что приближаться не следует.

– Как там тебя зовут, не делай лишних движений.

– Командиром зовут. Давай о деле.

Лора закурила длинную темную сигарету. Леха стоял в стороне, но тоже у стены и не попадал в его поле зрения.

– Граф, говоришь? Неужто из Парижа?

– Мне про это неизвестно.

– Тогда с какого соскока должна тебе верить?

– Его в Москве знают.

- Как фамилия?
- Сначала давай о деньгах.
- Ну, за голубую кровь можно дать и полторы.
- Две – иначе увозим.
- Не делай лишних движений. Адик этого не любит, – Лора показала головой в сторону дога.

Командир разозлился. Он не привык стоять перед бабами навтыжку. Правую руку незаметно отвел за спину, где под курткой находился пистолет.

– Только без глупостей, – предупредила его Лора. – Дам две штуки за известную приличную фамилию. Можешь верить.

– Посмотрим. Его зовут Носароде, граф.

Блондинка встрепенулась и как-то демонически-криво усмехнулась.

– Нессельроде... Павел Нессельроде... из Баден-Бадена... Неужели он?

– Так мне сказали. Берешь? Нам время терять нечего. Еще ребята ждут.

Блондинка встала, запахла длинные полы халата и босиком прошла по ковровому покрытию такого же серого цвета, как диван. Командир следил за ней и потихоньку осматривал необычную комнату. В ней было немного мебели и ничто не стояло у стен. Судя по окнам, обычная квартира, лишенная перегородок. С боку от него находилась кухня с шикарной плитой и всякими кухонными приборами. Дальше – овальный стол с вазой посередине, в которой стояли крупные красные живые розы. Потом какая-то этажерка со всякой аппаратурой. В углу – комод. Лорка подошла к нему, открыла ящик и вытащила пачку долларов. Долго пересчитывала и, спрятав остаток, вернулась к Командиру. Помахала деньгами перед его носом. И с той же чудовищной улыбкой протянула ему.

– Держи две. Позвони дня через три, думаю, на больше он мне не понадобится.

– Надеюсь, наша помощь не нужна? – предельно вежливо поинтересовался Командир.

Блондинка пожала плечами и вернулась на диван. Дог подошел к ней.

– Заберете упакованным. Не мне же его закапывать. Давай, тащи сюда. Посмотрю на вашего графа, – она прихватила собаку за широкий серебряный ошейник.

Леха с помощью сообщника, скучавшего в тамбуре, втащили в комнату понемногу приходящего в себя Павла. Положили перед Лорой лицом вверх.

– Он! – вскрикнула блондинка. – Я видела его в «Серебряном веке».

Глаза ее сверкнули зеленым огнем, пальцы впились в мощную шею дога. Она не могла оторвать взгляда от бледного отекавшего лица Павла. Все молчаливо наблюдали за ее реакцией. Наконец, наскладившись видом добычи, Лора встала и вывела собаку в другую комнату. После чего вернулась и прошла в кухню. Толкнула электроплиту, которая легко откатилась, обнаружив люк в покрытом керамической плиткой полу.

– Откройте.

Леха бросился выполнять просьбу. Попытался приподнять тяжелый металлический люк, но не удалось. Рассмеявшись высоким пронзительным смехом, Лора подошла к нему и ногой надавила на одну из керамических плиток. Люк бесшумно отъехал в сторону. Открылось круглое отверстие сантиметров восемьдесят в диаметре, освещенное изнутри тусклым розовым светом. Вниз вела крутая лестница с тонкими пластиковыми перилами. Леха невольно заглянул туда. Потом поднял голову и спросил:

– Как же мы его в этот каземат затащим?

– Элементарно. Сбросите ногами вниз, – все еще смеясь, объяснила Лора. – А назад все равно поднимать по частям.

Эта шутка заставила Павла окончательно прийти в себя. Внешне он ничем не выдал вернувшуюся способность соображать. Продолжал лежать с закрытыми глазами и хрипло шумно дышать.

Перспектива остаться в руках маньячки была предпочтительнее короткого выстрела в голову.

Между тем Командир тоже подошел к люку, примерился и авторитетно заявил:

– Вообще-то он длинный, но хилый. Стянем с него шмотье и засвистит как по маслу.

Лора открыла на кухне один из ящичков, достала оттуда ампулу и одноразовый шприц. Наполнила его и обратилась к парням:

– Закатайте-ка ему рукав. Дам пару кубиков в вену, чтобы не барахтался.

Леха послушно содрал с Павла грязное пальто. Ножом разрезал рукав клубного пиджака вместе с рубашкой, оголил руку графа и со знанием дела спросил:

– Попадешь?

– Приторчит мгновенно, – заверила Лора. Она уверенным жестом перехватила руку Павла у локтя резиновой трубкой и, как только вена набухла, точным ударом иглы вошла в нее.

Павел почувствовал острую боль, промчавшуюся стрелой по всему организму и вонзившуюся в затылок. Затем медленно накатила маслянистая теплая волна, накрывшая тело тяжелым ватным одеялом. Измученный мозг неотвратимо погружался в блаженство. Леха с вождением глядел на успокоившееся лицо жертвы и с мольбой обратился к Лоре:

– Слушай, в натуре, может, и мне заодно вбабахает?

– Еще чего? – возмутилась она. – Давайте, спускайте вниз. Да придерживайте за волосы, чтобы ноги не вывернул.

София и матерьясь, парни принялись за дело. Бесчувственное тело Павла изгибалось, ломалось и никак не хотело спускаться вперед ногами. Пришлось снять туфли и связать ноги. Насилю спустили его в люк и услышали глухое падение на что-то мягкое. Лора ногой откинула валявшиеся вещи Павла и приказала:

– Забирайте с собой. У меня гардероба нет.

Леха послушно подобрал пальто и ботинки графа. Командир направился к двери.

– Надеюсь, разгуливать по Москве с ним не собираешься? – на ходу спросил он для очистки совести.

– С трупами не гуляю, – в тон ему ответила Лора.

Командир, не прощаясь, вышел из комнаты. За ним поспешили его подручные. Леха на прощание послал Лоре воздушный поцелуй. Она подмигнула в ответ.

Убедившись, что они ушли, Лора закрыла обе железные двери и по телефону связалась с охраной, сидящей в желтом «мерседесе» напротив ее окон. Дала задание проверить, нет ли слежки за приезжавшими парнями. Через несколько минут ей сообщили, что хвост не обнаружен. После этого Лора сбросила халат и, оставшись в белой грации и колготках, спустилась вниз к лежащему на боку Павлу. От падения он не пострадал, поскольку приземлился на заботливо подложенный надутый высокий матрас.

Лора привычными движениями схватила его за ноги и потащила дальше в бункер. Он располагался почти под всей квартирой. Высота стен достигала двух метров. Они были забетонированы и поблескивали вдавленными в них кусочками зеркал. В центре бункера находился низкий неглубокий бассейн, с трех сторон заставленный живыми пышными растениями. А перед бассейном располагалась квадратная песочная площадка, на которой был укреплен турник и свисали гимнастические кольца. Сзади к стене была прикреплена лебедка с несколькими стальными тросами. Вокруг площадки стояли различные тренажеры.

Лора подтащила к кольцам графа и при помощи лебедки опустила их вниз. Потом развязала его безвольно болтающиеся руки и просунула в кольца до подмышек. Усадив Павла со свешенной головой на песок, она подобрала валявшиеся у стены наручники и заведя его руки за спину защелкнула их на запястьях. После этого Лора взяла два прикрепленных к стене железных троса с металлическими обручами. Стащила с графа брюки и просунула в эти обручи

его худые ноги, закрепив на щиколотках. Закончив приготовления, она поднялась наверх и сварила себе кофе.

По телефону Лора сообщила своему заму, что заболела и в ближайшие дни из дома выходить не собирается. Предупредила охрану, чтобы те несли круглосуточное дежурство возле ее окон и у входа в подъезд, и отправилась в спальню, где на роскошной огромной кровати уже посапывал дог Адик.

Лора разделась догола, натерла все тело кремом и в предвкушении завтрашнего дня улеглась в благоухающую духами постель. Адик приподнял квадратную голову, подергал черными ноздрями и длинным языком принялся слизывать крем с тела Лоры. Она от наслаждения постанывала. Пес едва касался ее кончиком шершавого языка. Сначала он вылизал живот, потом принялся за ноги. Лора перевернулась и растворилась под собачьими ласками. Язык собаки энергично метался от пяток до спины и щекотал худые бока с четко обозначенными ребрами. Особенно сладостно застонала она, когда пес коснулся ее ягодиц, вернее тех нескольких складок кожи, которые обозначали се несуществующий зад.

Адика раззадоривали стоны Лоры. Он сам стал скулить, и его мощное туловище подрагивало от постоянных судорог. Слюни капали на облизываемое им тело. Случайно он опустил свою широкую тяжелую лапу, и когти впились в бедро Лоры. Она завизжала от боли и блаженства и, сорвавшись с кровати, пачкая простыни кровью, капающей из царапин, рванулась в ванную. Пес спрыгнул на пол и, облизываясь, продолжил свой тихий почти щенячий скулеж.

Глава шестая

Павел «тащился» от бесконечно сменяющихся галлюцинаций. Если бы не постоянная, ноющая, изматывающая боль, он забыл бы о существовании своего тела. Настолько легко и непринужденно его сознание парило где-то в высоких сферах, доставляя небывалое наслаждение. Отправной точкой его путешествий стало огромное поле желтых тюльпанов. Он возносился над бесконечными цветами и любовался их простой стройной красотой. Поначалу казалось, что тюльпаны ненастоящие. Пластмассовые. И он расстроился. Но стоило ему опуститься на поле, как он тут же ощутил сочную упругость стеблей и спокойное дыхание цветов. Павел по-детски радовался своему открытию. Он мечтал превратиться в один из этих тюльпанов и гордо держать желтую голову, устремленную в безоблачное небо. Зеленое, желтое и синее, не смешиваясь, передавали простую и величественную красоту бытия по сравнению с бессмысленностью и брэнностью человеческой жизни.

Тупая опоясывающая боль не позволяла Павлу остаться навсегда среди цветов. Он вынужден был, подобно мифической короле Ио, преследуемой слепнем, мчаться, не выбирая дороги, к песчаным берегам полноводного Нила. Там он заметил парус. Сверкающая золотом галера медленно скользила по зеленой воде. На широкой палубе с низкими столбиками перил белым пятном выделялся ослепительно белый шатер. Павел не сомневался, что внутри шатра на ложе из тростника, покрытого ассирийским шелком, облокотившись на подушки, возлежит царица Клеопатра...

Не успел он решить, стоит ли ему приближаться к царской галере, как неизвестно откуда возникла стайка юных обнаженных девушек с черными волосами, закрученными в высокие прически. Они, смеясь и переговариваясь на незнакомом Павлу языке, окружили его и, взявшись за руки, принялись танцевать вокруг него. Больше всего Павла поразили размеры их грудей. Золотистые от загара, с бледно-розовыми, похожими на бутоны роз сосками, они казались огромными. Но при девичьих подскоках и движениях оставались неподвижными, словно были выточены из камня. Павел сразу вспомнил о желтых тюльпанах и о своих сомнениях, касающихся их натуральности. Девушки хоть и улыбались вполне обычными милыми улыбками, но казались неживыми из-за неподвижных грудей. Подтверждение этому он нашел в их круглых, чуть навывкате глазах. Вместо карих зрачков в них, как в маленьких выпуклых зеркалах, отражались только зеленые воды Нила и полоска голубого неба.

Павел заподозрил опасность. Медленно, но неотвратимо его вели к пологому берегу, возле которого покачивался связанный из тростника плот. На нем стоял огромный негр в набедренной повязке и упирался шестом в дно на мелководье. Павел хотел вырваться из круга, образованного взявшимися за руки девушками. Схватив двух из них за запястья, попытался разорвать цепь. На лицах девушек не отразилось никакого беспокойства и напряжения. Они продолжали улыбаться. А Павел ощутил, что его руки слишком слабы. Они стали ватными и непослушными. Чтобы не выдавать своей беспомощности, он решил больше не сопротивляться.

Плот, на котором он очутился, управляемый уверенной рукой кормчего, легко заскользил по небольшим волнам к поджидавшей их царской галере. Девушки не последовали за ним. Они вошли в воду и, плескаясь и громко смеясь, незаметно исчезли под водой. Павел снова вспомнил о живых желтых тюльпанах и пожалел, что не остался на том поле.

Как только он вступил на борт галеры, его сразу провели в шатер.

Клеопатра была одна. Она полулежала отдыхала среди подушек, и по ее обнаженному телу ползали змеи. Павел замер на пороге. Неведомая рука подтолкнула его вперед. Не менее, чем змеи, Павла поразило лицо царицы. Никаких следов красоты он не увидел. Ее мясистый горбатый нос как будто тянулся к острому выдвинутому подбородку. Капризные полные губы

выражали грубую чувственность. Однако ее обнаженное тело еще сохраняло девичью гибкость и упругость. А нежнейшая апельсинового цвета кожа была без единого изъяна. Треугольник волос между крутых бедер сверкал тончайшими золотистыми нитями. Клеопатра слегка развела ноги, и высоко над ними вдруг взвилась раздутая шея кобры. Маленькие, неподвижные глазки змеи уставились на Павла. Он вздрогнул и сделал шаг назад. Но та же неведомая рука снова толкнула его внутрь шатра.

– Не бойся меня, Павел. Подойди, – мелодичным голосом, совсем как Татьяна, пропела Клеопатра.

– Царица... я потрясен... – промямлил граф.

– О, зови меня лучше «*fatale monstrum*». Так когда-то прозвал меня несносный брюзга Гораций.

Тем временем змеи продолжали бесшумно скользить по ее грудям, шее, животу. Павел ощутил прилив бешеной страсти. Он готов был заключить царицу в объятия. Но плавные раскачивания кобры гипнотизировали его. Клеопатра со смехом схватила змею и прижала к себе.

– Иди же. Минута со мной прекраснее, чем долгая жизнь без меня. Даже после ядовитого укуса ты успеешь насладиться телом и страстью самой великой и прекрасной женщины всех веков!

Желание, кипевшее в душе Павла, умирал ледяной душ страха. Он не шевелился. Клеопатра извивалась на ложе вместе с десятком серебристо-черных змеек. Секс и смерть ласкали друг дружку, наслаждались взаимной верностью, упивались своей вседозволенностью, сладостно томились в ожидании очередной жертвы... И Павел не выдержал. С глухим стоном он склонился над Клеопатрой и принялся целовать ее ноги. Он больше не думал о кишках вокруг змеях, не ощущал их холодных сухих прикосновений. Жаркие объятия царицы вознесли его на вершину блаженства. Она ответила ему сумасшедшей страстью. Павел поначалу даже не почувствовал укуса, но боль с дьявольской быстротой растекалась по телу, вызывая совсем не любовные судороги. Он понял, что умирает. Безумно хотелось сделать хоть один глоток воды. В эту минуту он был способен выпить весь мутный Нил. Павел захрипел пересохшим горлом. Боль сковала все его тело. Он провалился в черную разверзшуюся дыру... Сознание тупо и устало возвращалось к его измученному болью телу.

Он с трудом приоткрыл набрякшие веки и сквозь пелену в розовато-искусственном свете увидел неподвижную гладь бассейна, с трех сторон украшенного пышными зелеными растениями. Стены, переливающиеся мелкими бликами, утомляли глаза. Еще не соображая, где он находится, Павел с недоумением разглядывал железные обручи на щиколотках и стальные тросы, припаянные к ним. Потом его взгляд с трудом различил свисавшие с потолка кольца и он, наконец, понял, что висит на них с заведенными назад руками.

«Значит, не умер?» – спросил себя Павел и тут же встрепенулся в надежде увидеть где-нибудь рядом Клеопатру.

– *Fatale monstrum*... – еле ворочая языком, прошептал он незнакомое ему ранее выражение. Но никто не откликнулся.

Жажда не позволяла думать ни о чем, кроме воды. Павел попытался подняться на ноги, чтобы хоть как-то приблизиться к бассейну. Колени дрожали. Отекшие ноги не слушались. Пришлось опуститься на песок. Он собрал оставшиеся силы и потянул под мышками кольца. Они медленно поддались. Пришлось сделать еще несколько нечеловеческих усилий, прежде чем он на карачках добрался до кромки бассейна. Станный вкус воды, которую он принялся лкать, как собака, поначалу не удивил его и не насторожил. Еле-еле касаясь губами водной поверхности, граф висел на кольцах, не в состоянии подтянуть ноги. Шею и закрученные назад руки нестерпимо ломило. Но он не мог оторваться от прохладной жидкости. Прошло несколько минут, прежде чем Павел понял, что пьет не воду, а шампанское. Он невольно оглядел неглубокий прямоугольный бассейн, не веря своим глазам. И снова принялся искать взгляда

дом Клеопатру, не сомневаясь в ее реальности. Как он попал в этот склеп, что с ним делали, где находится – Павел понятия не имел и не мог собраться с мыслями. Шампанское быстро парализовало измученный мозг. Павел откинулся на спину и повалился на мелкий песок. Тяжелое похмелье сковало его истощенный организм.

Лора проснулась рано. Сквозь тяжелые белые шторы, висевшие на окнах спальни, прорывалось холодное зимнее солнце. Адик лежал рядом и шумно дышал. Его черные, как смоль, бока равномерно поднимались и опускались над толстым пуховым одеялом. Обычно Лора не позволяла себе долго валяться в постели. Она вела напряженную жизнь деловой женщины. В девять утра, и ни на минуту позже, она появлялась в офисе своей фирмы, свежая, подтянутая, элегантная. Она не стремилась выглядеть моложе своих тридцати пяти лет, ибо этот возраст вполне устраивал ее. Минимум косметики и классические костюмы составляли основу ее имиджа. Единственное, что она позволяла себе, это не делать прическу. Длинные белые волосы, зачесанные назад, свободно падали на плечи.

Лора занималась цветочным бизнесом. Ее фирма «Орхидея» находилась на Таганке. Когда-то, в середине восьмидесятых, именно на этой площади возле входа в метро Лора впервые попробовала торговать с рук. Она прошла долгий путь борьбы за выживание. Сумела противостоять всесильной азербайджанской мафии и, создав капитал, открыла свою фирму. Сейчас она практически не поставляла цветы в уличную торговлю. Ее сферой интересов стали самые престижные шоу, презентации, ночные клубы, великосветские свадьбы, венчания, крещения и похороны. Финансовый оборот позволял Лоре жить широко и вольготно. Но она все так же много работала, крайне редко появлялась на светских раутах и тусовках. От людей постоянно отгораживалась вышколенной охраной. Ее никогда не видели в обществе мужчин. Подруг она тоже не имела и никого не приближала к себе. Лора стала символом удачливой, независимой деловой женщины, полностью посвятившей себя карьере. За ней не числилось никаких причуд, скандалов, романов и сплетен. Каждое утро она появлялась на людях, словно нереальная дама, сошедшая с обложки шикарного рекламного журнала. В детстве Лора долго и мучительно болела сколиозом – искривлением позвоночника – и поэтому, даже вылечившись, продолжала носить грацию и при ходьбе инстинктивно вытягиваться вверх. Очарованные ее элегантностью мужчины редко всматривались в невыразительное бледное лицо с острым носиком, маленькими глазами, спрятанными за узкими очками, и бесформенными плоскими губами, накрашенными бледно-розовой помадой. Она почти всегда улыбалась бесцветной улыбкой и никогда не смеялась. Загадочности в ней не было, но был шарм отстраненности. При простоте в обращении она никому не позволяла нарушать дистанцию. Многие ее считали скуперджкой. Но от этого не переставали уважать.

Лору часто приглашали на телевидение и на всякие заседания женских клубов. Она никогда не отказывалась, но все разговоры и интервью сводила к своей работе или любимому догу Адик, с которым, кстати, никогда не гуляла, препоручая это хлопотное занятие охране, круглосуточно дежурившей под окнами ее квартиры, расположенной на первом этаже престижного сталинского дома на Новинском бульваре.

Таких пробуждений, как в это утро, у нее было немного. Всего двенадцать. Но каждое из них становилось памятным на всю жизнь. Лора слегка потянулась и, ощутив нервную дрожь, закопалась под одеяло. Торопиться было некуда. На три дня она предоставлена своей страшной, всепоглощающей страсти. Внизу, в бункере ее ждет тринадцатый мужчина в ее жизни. Вообще-то их было намного больше. Но те, остальные, не в счет.

Лора погладила Адика по квадратной голове. Пес, не открывая глаз, настороженно повел ушами. Он еще не знал, какое пиршество его ожидает в эти три дня. Лора легко соскользнула с постели. Пес мгновенно спрыгнул вслед за хозяйкой.

Она отправилась в ванную и по заведенному ритуалу привела себя в порядок. Но, в отличие от привычного делового макияжа, нарядилась ярко и вульгарно. Наклеила длинные черные ресницы. Наложила темный крем-пудру. Карандашом подрисовала губы, сделав их брусничными. Интеллигентный деловой маникюр спрятала под накладными ярко-красными ногтями. Потом достала из шкафа черный кожаный плащ, длиной до щиколоток, с подставными квадратными плечами. К нему надела черные туфли на высоченных металлических каблуках. Взяла спрятанную в том же шкафу сумку и отправилась на кухню. Выглянула в окно. Желтый «мерседес» послушно охранял ее покой. Прихватила с собой радиотелефон и осторожно, держась за поручни, спустилась по лестнице в бункер.

Граф, скрючившись, свисал с колец. В забытьи тяжело дышал и бредил. Лора прошла мимо него. Выдвинула из-за пышной зелени удобный шезлонг-качалку, села в него. Достала из сумки сигареты «Море» и не спеша закурила. Ее глаза жадно разглядывали добычу. Граф показался слишком тощим. Когда она в первый раз увидела его в ресторане «Серебряный век», он выглядел очень элегантно в своем клубном черном пиджаке и темно-серых широких брюках. Сейчас его худые бледные ноги с синими венами были поджаты под костлявый зад. Рваная грязная рубашка едва прикрывала впалую грудь. Голова свесилась, и из приоткрытого рта капала слюна.

Лора выкурила сигарету, закинула ногу на ногу и, покачиваясь в шезлонге, тихо позвала:
– Граф, пора бы уже оклематься... Разве можно спать в таком неудобном положении?

Павел приоткрыл глаза и бессмысленно уставился на нее. Она больше ничего не говорила, наслаждаясь его первой реакцией. Все еще не понимая реальности происходящего, Павел прошептал:

– *Fatale monstrum...* царица... *fatale monstrum...*

– О, граф, да ты век перепутал. Теперь для тебя существует только одна царица – небесная... и я – Лора. Понял? Давай, давай, пошевеливайся, приходи в себя. Пока еще не время нюни распускать.

Павел закрыл глаза. Он вдруг отчетливо вспомнил, как выглядела Клеопатра. Сидящая перед ним блондинка никакого отношения к ней не имела. Память понемногу стала возвращаться. Из мрака ночи вдруг возникли картины презентации, скандал с Татьяной, игра в карты. Но дальше воспоминания обрывались. Только боль в затылке и ломота между лопаток заставляли восстанавливать дальнейшие события. Наконец, явилось то самое ощущение езды и пистолет с глушителем возле носа. Его хотели убить... Как же он сразу не вспомнил об этом? Но почему тогда он оказался в каком-то подземелье с бассейном, полным шампанского? И при чем тут женщина? Вопросы оборачивались самыми скверными предположениями. Оставалось висеть и ждать, когда ситуация хоть немного прояснится.

Лора следила за графом. В обычной жизни она вела себя словно воспитанница института благородных девиц. И только когда общалась со всякой уголовщиной, с удовольствием позволяла себе расслабиться. С ними она выражений не выбирала. А уж со своими жертвами и подавно.

– Эй, граф, на кого ты похож? Возьми себя в руки. Не хватало, чтобы обоссался на моих глазах.

Она встала, зачерпнула из бассейна ковш шампанского и плеснула Павлу на лицо.

Он открыл глаза и спросил:

– Где я?

– В преисподней.

– Кто ты? – не понял Павел.

– Твоя смерть, – спокойно и серьезно ответила блондинка.

– Чушь...

– О, граф, должна тебя разочаровать. Жизнь твоя закончилась вчера. Сегодня она превратилась в жалкое существование. В любой момент может оборваться и оно.

Павел окончательно пришел в себя. И хоть не мог вспомнить все детали вчерашнего нападения на него, приблизительно понимал, что попал в руки бандитов. Однако раз его не убили сразу, значит, им что-то от него нужно?

– Почему вы держите меня здесь? Вам нужны деньги?

Лора улыбнулась своей дьявольской перекошенной улыбкой.

– Наоборот. Я тебя выкупила у твоих убийц.

– Тогда почему я привязан?

– Чтобы не убежал. Ведь отныне ты моя собственность. Я владею тобой и твоей жизнью.

– Надеюсь, это шутка?

– Не надейся!

Лора резко встала. Скинула с себя кожаный плащ, сняла туфли и, ничуть не смущаясь своей наготы, пошла в бассейн с шампанским. Он был неглубокий. Вода, то есть шампанское, не доставала до ее колен. Но Лора упала на спину и с наслаждением принялась плескаться. Она ныряла, била по поверхности ногами, поднимала брызги и высовывала из шампанского лицо, покрывшееся пузырьками. Павел молча наблюдал за ней. Она же становилась все веселее и развязнее. Несколько раз принималась обрызгивать Павла. Он не реагировал.

– Судя по следам на песке, ты сегодня уже успел попробовать мое шампанское? – весело спросила она.

– Чуть не сдох от жажды, – зло ответил он.

– Привыкай. Больше предложить тебе нечего. Я буду в нем купаться, а ты его пить.

– Объясни, чего ты хочешь, и закончим с моим унижительным положением, – стараясь оставаться спокойным, произнес Павел.

Лора вылезла из бассейна, выкрутила волосы, помотала головой и закурила темную длинную сигарету. Потом принялась прохаживаться по кромке бассейна. Подошла к Павлу, освободила его щиколотки от кандалов. Павел с трудом поднялся на ноги. Кольца оказались ниже его подмышек. Но руки высвободить было невозможно. Не обращая внимания на его попытки освободиться, Лора прыгала на одной ноге, видимо, у нее заложило ухо. Затем уселась в шезлонг-качалку, широко расставив ноги.

– Э, граф, так ты еще и любопытный?! Не мечтай, не для этого ты здесь. Я тебя купила, чтобы убить. Медленно, сладко. Сначала понемногу выпью твою кровь, а потом буду отрезать от тебя куски тела и кормить своего Адика. Ты зайдешься воплями и матом, а я буду резвиться в бассейне и любоваться твоими страданиями. Песок вокруг тебя станет грязно-бурым. А перед самой смертью я отрежу твой член вместе с яйцами и брошу псу. Он у меня ужасно любит мужские причиндалы. Потом он обглодает все твои кости. Останется собрать их в коробку и выбросить в мусорный контейнер. Видишь, мой способ избавляться от трупов прост и надежен.

Сказанное блондинкой настолько отдавало шизофренией, что Павел никак не мог заставить себя поверить в ее идиотские угрозы.

– А какой смысл лишать меня жизни? – резко спросил он.

– Э, граф, это не ко мне. Уж не знаю, кто, за что и почему тебя приговорил. Ребята должны были еще вчера продырявить тебе голову. Поверь, они бы это сделали спокойно. Но зачем умирать в грязи. Со мной тебе будет намного приятнее. Двенадцать мужчин доверились мне и умирали почти счастливыми. Правда, таких худых не было. В тебе и крови-то, наверное, кот заплакал.

– А ты проверь! – крикнул Павел. Инстинкт самосохранения наконец заставил его серьезно воспринять ее бред.

Лора подошла к нему и похлопала ладонью по его впалой щеке:

– Ну, ну, не бунтуй. Смирись. Это судьба...

Не успела она закончить свои наставления, как Павел подпрыгнул и, выбросив вперед ноги, с размаху опустил их ей на плечи. Блондинка рухнула как подкошенная. Ногами Павел сдавил ее горло.

– Ах, падла, – выругался он. – Уж если мне здесь подышать, то сперва я придушу тебя.

Лора дергалась всем телом. Старалась руками раздвинуть крепкие ноги графа. Ничего не получалось. Он не разжимал их, но и не душил. Следовало решить, каким способом выбираться потом отсюда самому. Лора воспользовалась заминкой и, вспомнив, что у нее в руке зажигалка, включила пламя. Его язычок обжег икру. Павел невольно дернулся и ослабил давление. Этого было достаточно, чтобы Лора вырвалась на свободу.

Она с истеричными всхлипами бросилась в бассейн и, держась руками за горло, хватала воздух широко раскрытым ртом.

Павел тем временем окончательно осознал безвыходность своего положения. Больше подобной возможности у него не будет.

– Сука! Освободи меня. Иначе все равно достану! – орал он вне себя от ярости.

Лора молча вылезла из бассейна. Обошла графа стороной, боясь его новой атаки, и пробралась к лебедке. Несколькими движениями подтянула кольца к потолку. Несмотря на свой рост, Павел повис над полом. Для пущей безопасности Лора вновь сковала обручами его ноги, так, что они оказались растянуты в разные стороны. Теперь при всем желании он не смог бы повторить своего нападения. Довольная собой, она несколько раз обошла вокруг висящего Павла. Отошла, полюбовалась со стороны.

– Не хотел находиться в нормальном положении, будешь в распятом.

После этих слов она достала из сумки ножницы и разрезала ими тонкие перемычки его трусов. Они свалились на пол, а Лора острыми лезвиями прикоснулась к его члену. Павел инстинктивно дернулся и замер.

Впервые за все время Лора рассмеялась. Отошла от него и положила ножницы на кромку бассейна.

– Нет, с этим торопиться не будем. Слишком легкая смерть. Сначала надо тебя наказать.

Она порылась в сумке и достала из нее хлыст с тремя тонкими кожаными концами. Несколько раз покрутив его над головой, Лора обрушила первый удар на Павла. Резкая боль обожгла его живот и спину.

Он заорал от ярости и беспомощности. Лора, охваченная садистским экстазом, не глядя, продолжала наносить хлесткие удары. Кожа начала лопаться. По телу Павла потекли струйки крови. Боль была нестерпимой, особенно когда концы хлыста задевали беззащитно висящий член. Вопли Павла сотрясали стены бункера. Но его никто не слышал, кроме скулящего возле люка Адика. Удары постепенно затихли. Лора устала. Она бросила хлыст, опустилась в шезлонг-качалку и жадно закурила.

Долго никто из них не издавал ни звука. Павел немного пришел в себя и сдавленным голосом прошептал:

– За что меня... за что? Я ведь тебя не знаю... за что?

– Подожди, дай отдохнуть. Это только начало, – пообещала она.

– Так не бывает. Хочешь, я отдам тебе все свои сбережения, дом в Баден-Бадене? Всегда можно договориться. Какой смысл в этом истязании?

– Большой, – твердо ответила Лора. – Ты мразь, как и все мужики. Такие, как ты, изнасиловали меня в четырнадцать лет в лифте, зажав рот рукой. С тех пор я ненавижу вас и буду мучить и убивать, пока будет хоть одна возможность. В этом моя месть и наслаждение.

Павел не нашелся, что ответить. Потом со вздохом спросил:

– Неужели тебе станет легче оттого, что замучаешь меня?

– Да, – призналась Лора. – С того самого дня я возненавидела всех мужчин. Ни с одним не испытывала радости. Только когда вы подышаете у меня на глазах, в моей душе рождается наслаждение.

– Ты погубила двенадцать человек?

– Не я. Они были приговорены. Я просто выкупила их, как и тебя.

– Тогда убей меня, и покончим с этим...

Лора взяла полотенце, банку со спиртом, подошла к нему, смазала раны. Отерла их полотенцем. Долго останавливала кровь, струящуюся из рассеченного члена. Слизиывала ее языком.

– *Fatale monstrum*... – прошептал Павел.

– Что это значит? – поинтересовалась Лора.

Павел, преодолевая боль в плечах и во всем теле, принялся рассказывать ей о сегодняшнем ночном видении. Он не считал происшедшее сном. Слишком реально все ему представлялось. Лору заинтересовал рассказ о Клеопатре. Она долго спрашивала подробности, ей явно импонировало поведение царицы.

– Она – моя сестра... – сказала в заключение садистка и снова вошла в бассейн. – Я всегда ощущала в себе присутствие еще одной женщины. Это наверняка была Клеопатра. Во всем мире только мы способны на испепеляющую страсть и нечеловеческую жестокость. Да, я хочу быть, как и она – *fatale monstrum*! Для всех вас я – фатальный монстр!

– Я раскрыл тебе тайну, и ты должна отпустить меня... Даже змеи Клеопатры не принесли мне вреда... – Павел понял, что находится в руках психически больного человека, поэтому следовало не угрожать и ругаться, а убеждать ее.

– При чем здесь ты? – удивилась Лора. – Я не собираюсь торговаться с тобой. Тебя уже нет! Еще вчера ночью было сообщено о твоей смерти. Как же я могу тебя отпустить. В таком случае они убьют меня. К тому же теперь ты посвящен в мою тайну... Выхода нет. Но я постараюсь тебя долго не мучить. Выпью немного крови, а остальная пусть вытечет сама по себе.

Она достала скальпель и фужер. Подошла к Павлу и прежде, чем он успел сообразить, резанула по вене под его левой коленкой. Кровь мгновенно ударила фонтаном и наполнила фужер. Павел закрыл глаза и застонал. Лора поставила фужер на бортик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.